

АНДРЕЙ ДАЙ

ИСКРА ЗЛА

FANTASY WORLD

Fantasy-world

Андрей Дай

Мастер Ветра. Искра зла

«АСТ»

2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Дай А. Ю.

Мастер Ветра. Искра зла / А. Ю. Дай — «АСТ»,
2018 — (Fantasy-world)

ISBN 978-5-17-107496-8

Желаешь погрузиться в мир средневековья? Девственная природа, чистые леса, благородство истинных рыцарей. Луки, арбалеты, мечи, доспехи... Тогда ты зашел прямо по адресу. Этот мир – сказка, чем-то напоминающая мир Робина Гуда, но у него своя религия, свой характерный почерк и блеск. И вместе с тем, вечная жажда славы и наживы, толкающая героев на необдуманные, жестокие и кровавые поступки. Убийства, борьба за власть, деньги и за красивых женщин, за территории, крепости и многое другое... Благородство, стремление остановить, защитить от захватчиков свою родину.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-107496-8

© Дай А. Ю., 2018
© АСТ, 2018

Андрей Дай

Мастер Ветра. Искра зла

© Андрей Дай, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

1

Олень все-таки умер.

Вчерашний дождь каплями блестел на его подрагивающей шкуре, и, если не смотреть в страшные, смертью мутные глаза, казалось, что зверь просто спит. Раскинув богатые рога, похозяйски развалившись на зазеленевшем с первыми оттепелями лесном мху, уложив лобастую голову мне на колени. Даже в смерти он был величествен и прекрасен. Если не смотреть в глаза... И на гранатовую лужицу крови... И на короткий стальной болт, хищно впившийся в бок благородному животному.

Я не успел. Догнал, когда помочь не смог бы и Спящий. Все утро бежал по бусинам его крови и не успел. Видел же, что кровь темная, страшная. Такая бывает, когда задета печень, а значит – зверя уже не спасти и лучше всего дать ему уйти на небесные пастбища с миром. Уговаривал себя остановиться, ругал за слабость и все равно бежал.

Он споткнулся о кочку на небольшой полянке. И не смог больше встать. Только смотрел на меня большими печальными глазами, пускал носом пузыри и жадно дышал. Я метался вокруг, искал кровохлебную траву, пытался остановить кровь, выдернуть мучивший оленя болт. Все без толку.

На бегу я успел накинуть тетиву – думал добить самца, чтоб сократить мучения. А когда он умер, расплакался. Сидел посреди разрезанной наискось солнечными лучами прогалины в бору, держал тяжелую голову благородного оленя на коленях, гладил жесткую шерсть на упрямом лбу, а слезы катились и капали на его густые ресницы. И было как-то пусто и гадостно на душе. Словно соседский мальчишка из баловства растоптал твой песочный замок, а ты смотришь на это из окна и ничего сделать не можешь. Только плакать.

У нас в лесу тысячи оленей. Может быть, даже десятки тысяч. Могучих самцов и изящных самочек. И тем не менее, собираясь на охоту, мужчины лесного народа долго выбирали, какой именно зверь именно сейчас должен умереть. Приболевший или раненый, со сломанными рогами или не добившийся благосклонности самок – эти годились для охоты. На таких вот красавцев – князей оленьего племени – охотиться никто бы и не подумал.

И еще: лесной народ не использует арбалеты. Это лживое оружие придумали люди с запада. Далеко от моего леса. За Великой рекой. На сотни дневных переходов западнее границ княжеств. Отец рассказывал – там говорят на жутко исковерканном орейском, а значит, совсем позабыли заветы отцов. Не мудрено, коли взялись пулять стальными стрелами в красавцев-оленей. Да еще весной...

Вот и вышло так, что троих разгоряченных долгой утренней охотой чужестранцев встречал я на маленькой полянке совсем не добром.

– Это моя стрела, – с ходу, шагов за десять, заявил увешанный железом незнакомец. Его орейский действительно был настолько плох, что я насилу его понял. – И олень мой!

Кто охотится в доспехах? Кто бежит по лесу с длиннющим мечом на боку? Тот, кому негде это все сложить. Тот, кто никому не верит и свое имущество всегда носит с собой. Тот, для кого меч – средство выжить в этом огромном жестоком мире. Наемник!

– Это мой лес, – четко выговаривая слова, чтоб бродяга наверняка понял, ответил я. – Мои олени. Ты вор!

Он засмеялся. Только никто ему не поверил.

Наемник был высок и могуч, а на бедре висел длинный меч. По бокам стояли еще два плечистых вооруженных мужика. И пусть доспехов их плечи не нашивали, но боевые топоры руки держали умело. А напротив на корточках сидел я. И совершенно их не боялся.

– Парнишка, – проявил благородство наемник. – Беги отсюда. Иначе, Басрой клянусь, мне придется тебя выпороть...

Думаю, если бы не мой лук с наложенной на тетиву стрелой, вор уже давно бы попробовал напасть. А так-то – с десяти шагов трудно промахнуться.

– Да неча с ним разговаривать, – неожиданно громко гаркнул один из плечистых. – Он поди дурачок тутошний, деревенский. Уши ему надрать, да и всего делов-то...

Мужик покрепче сжал топориче и шагнул. И получил стрелу в глаз.

Тело еще не коснулось влажной вчерашним дождем земли, а я уже снова был готов стрелять.

– Ты сумел рассмешить белок, вор, – процедил я сквозь зубы. – Забирай труп и беги из моего леса!

Наемник был опасен. Умелый воин с хорошим мечом. Он все еще отказывался верить, что худосочного вида парень с легким охотничьим луком в руках сможет причинить ему вред. Однако он сомневался. И причина тому валялась у его ног со стрелой в глазу.

– Держись, малыш! Я иду!

Клянусь кошмарами Спящих, давно в нашем лесу не случилось такого столпотворения. Меня так и подмывало оглянуться, аж между лопаток зудело, глянуть на этого, нового незнакомца. Да только отточенное лезвие в руках наемника не простило бы мне излишнего любопытства.

Мой незванный спаситель тоже путешествовал по моему лесу в доспехах. И у него тоже был меч. И я хотел уж было прыгнуть за ближайшую сосну, чтоб не подставлять незнакомцу спину... Уж больно необычным показалась встреча двух воинов за десятки лиг от ближайшего селения. Но я передумал – из-за голоса. Бывает так – услышишь голос и отчего-то знаешь: это хороший человек. Или увидишь походку – и чувствуешь: этот опаснее росوماхи...

– Какая удивительная встреча, ваше высочество! – прорычал наемник. – И какая прекрасная смерть! Умереть, защищая крестьянского парнишку. О вас барды станут баллады петь...

– Я знал, что ты падешь до грабежа нищих детей, Гостар. А когда-то ты был вторым мечом королевства!

Почему я не удивился тому, что эти двое отлично знали друг друга?

– Первым! – яростно выкрикнул наемник и теперь игнорируя мой лук, повернулся навстречу новой опасности. – Я и теперь – первый!

Это начинало меня забавлять. Но чтоб уже ничего не мешало наслаждаться зрелищем, мне стоило доделать одно маленькое дело. Тихонько тренькнула тетива. Почти неслышно кованный трехгранник вошел в горло плечистого мужичка с топором, вышел сзади и пришил последнего соучастника вора к сосне. Это чтоб не отвлекать воинов от их спора.

Впрочем, я зря беспокоился. Два оленьих быка во время гона тоже ничего не видят вокруг, кроме рогов соперника. Этим гремящим железом самцам посреди древнего леса хватило пары слов, чтоб сцепиться.

Я наложил новую стрелу на тетиву, прислонился к теплому боку столетней сосны и приготовился смотреть. Да только чудеса этой удивительной поляны на этом не закончились.

За треском вытаптываемого подлеска я едва не пропустил появление нового гостя моего леса. Ну конечно! Не мог же тот, кого наемник назвал принцем, путешествовать по землям лесного народа в одиночку. Но вот кого я точно не ожидал увидеть, так это жреца!

– Господа! – завопил укутанный в коричневый балахон, сгибающийся под тяжестью поклажи, пыхтящий от бега жрец. – Басра всемогущий! Что таки не поделили два блистательных воина посреди этого убогого края?!

– И что именно тебе показалось убогим в моем краю, бродяга? – хмыкнул я, отвлекаясь. Все равно бой развивался как-то вяло. Словно первый запал прошел и теперь соперники лишь искали повод, чтоб прекратить это безобразие.

– Тфу, демон! – зачем-то плюнул в сторону невысокий полный жрец, только теперь разглядев меня на фоне коры дерева. – Упаси Басра-Создатель!

Он наконец-то добрался до маленькой полянки, с наслаждением сбросил тюк с плеч, хрустнул поясницей и решительно направился в сторону безмятежно вытаптывающих траву воинов.

– Да оставь их, жрец! – крикнул я ему в спину. – Пусть себе потешатся. Не зря же они тащили на себе все эти железки столько лиг!

Толстяк все испортил. Одного мельком брошенного взгляда на суетливого коротышку хватило наемнику, чтоб просмотреть очередной выпад принца и лишиться головы. Алый фонтанчик крови коротко блеснул в золотых солнечных лучах, и безголовое тело браконьера мешком свалилось на ржавую хвою.

Я был слегка разочарован. В кои-то веки в моем лесу одновременно набралось столько чужеземцев, а не прошло и пяти минут, как среди живых осталось лишь двое. Да и те... Принц в стоптанных сапогах, помятых простеньких доспехах и с царапиной через всю щеку. Да суетливый жрец неведомого бога Басры, в драной коричневой рясе, подпоясанный веревкой, и сандалиях на грязных ногах. И от обоих так смердело потом, словно они камни в каменоломне ворочали, а не прогуливались по самому прекрасному в мире лесу.

Молодой высоченный воин шумно отдувался, то и дело смахивал со лба непокорную прядь пепельных волос и что-то бормотал, оттирая клинок пучком травы. Толстяк зачем-то грохнулся на колени у тела наемника, закатил глаза и заныл что-то совсем уж невнятное. Я вздохнул, достал нож из голенища сапога и отправился вытаскивать стрелы. Не так-то и просто смастерить правильную стрелу. Тем обиднее было бы оставить целых две двоим мертвякам, которым мои стрелы сейчас уже точно ни к чему.

А потом я посчитал нужным попрощаться с оленем. Он так и лежал, глядя мутными глазами в вечно меняющийся кусочек голубого неба...

– Прощайте, – вежливо сказал я чужеземцам. – Край леса ближе всего в ту сторону.

– Это вся твоя благодарность, малыш? – воскликнул воин.

– Разве ты не поможешь предать тела разбойников земле? – снова засуетился жрец.

Я даже растерялся. И подумал, что, забыв заветы отцов вместе с правильным языком, чужеземцы могли лишиться и части разума. Спящие коварны! Желая наказать, лишают человека разума...

– Что-то я совсем вас не понимаю, чужеземцы, – признался я. – Ни тебя, воин, ни тебя, толстый жрец... За что я должен быть благодарен тебе? Ты искренне веришь, что эти бродяги могли причинить мне вред?! В моем лесу? Да меня бурундуки бы засмеяли...

– И то верно, твое высочество, – растянул толстые губы жрец. – Парнишка к сосне прислонился, и я насилиу его разглядел...

– Тебя я тоже не понял, жрец чужого бога. Что значит – предать тела земле? Разве они уже не на земле?

– Басра учил тела людские закапывать, дабы не достались они поруганью диких животных и птиц...

– На счастье, меня твой Басра ничему не учил, – хмыкнул я. – Да и не станут животные моего леса... э... как ты там сказал? Да неважно... Трупы к утру съедят и все. Ты бы лучше доспехи прибрал... Нечего лес железками засорять...

Разум и так-то с трудом пробирался сквозь толстенный слой жира на лицо коротышки. А тут он и вовсе идиотом выглядел.

Молодой воин тоже сначала опешил. А потом смешно хрюкнул носом, утерся рукавом и, уже не пытаясь сдержаться, засмеялся так, что птицы с веток взлетели.

– Ты самый чудной парнишка, которого я повстречал по эту сторону Великой реки, – ничуть не стесняясь текущих по щекам слез, заявил принц. – Клянусь кошельком брата Пареля!

Тут он кивнул на побагровевшего от ярости жреца.

– Да и я не часто встречаю таких, как вы двое, – ухмыльнулся я. – По правде сказать, так я столько чужеземцев за один раз в своем лесу вообще ни разу не видел...

– Легко клясться чужой мощной, коли своя пуста, – пробурчал толстозадый брат Парель, не отрываясь, впрочем, от увлекательнейшего занятия – обыска трупов.

– Кто ты? Как твое имя? – принц все не переставал меня удивлять. Немного найдется людей, не слыжавших о нас. Особенно в окрестных орейских княжествах. – Что делаешь один в чаще леса?

– В наших краях принято гостю первому представляться, – я не осторожничал. Просто мне нужно было время, чтоб обдумать потрясающую новость – люди за рекой действительно полностью забыли заветы отцов! У нас даже дети знают – леса принадлежат нам!

– Ты прав, – учтиво склонил голову воин. – Прости. Мое имя Ратомир. Я старший сын ныне покойного короля Любомира из Модуляр.

– Арч, – коротко кивнул я. – Младший в семье Белого. Я из лесного народа. Это наш лес.

– И велики ли ваши владения? – неожиданно заинтересовался жрец.

– Две луны шли мы с отцом на восход, – я пожал плечами. – Лес так и не кончился...

– А много ль из этого принадлежит твоей семье? – толстяк выговаривал, конечно, сильно исковерканные, но вполне понятные слова. Да только я никак не мог ухватить их суть. Что именно он хотел узнать?

– У меня есть лук, – осторожно ответил я. – Вот этот – легкий. Дома остался еще один. Его дядя Стрибо Белый делал. Для охоты он не годится...

– И все? – гыкнул Парель кому-то-брат. – Не слишком-то твоя семья разбогатела, в чащобе сидючи...

Я силился его понять... и не мог. Слово «богато» на орейском имеет значение – «красота, посвященная богу». «Не слишком твоя семья раскрасивела, проживая в лесу»? Глупость какая!

– Ты, наверно, здесь все дороги знаешь? – принц, который должен быть уже королем, а вместо этого шляющийся за тридевять земель от родных границ, тоже вольно обращался со словами.

– Здесь нет дорог, Ратомир из Модуляр. Даже троп нет. Сюда без приглашения люди не ходят. Особенно чужие.

Солнце приближалось к зениту. Лучи пробивали хвою сверкающими колоннами, превращая бор в прекрасный храм. Ветер раскачивал верхушки деревьев, колонны переползали с одной заросшей мхом кочки на другую, и по-весеннему свежая поросль вспыхивала живыми изумрудами. Или, попадая на тела мертвецов, лучи высвечивали кроваво-красные цвета смерти, рубины. Или матовые опалы безжизненных оленьих глаз...

Спящим пора проснуться и навести порядок, коли появились люди, переставшие видеть красоту леса. Прекрасное творение, посвященное богу, – истинное богатство. Призрачную, иллюзорную, вечно меняющуюся, потрясающую, трогательную красоту, которая и есть единственный настоящий Бог!

Горло перехватило. И от восторга, и от жалости к этим бродягам, коим мошна застила глаза и обманула их язык...

– Как же вы ходите? Ни троп, ни дорог... Варварская страна... – Жрец даже глаз не поднял от ладони, на которой пальцем пересчитывал серебряные и золотые монетки.

– Пути ходим, – если у меня и случилось презрительно выплюнуть эти слова, то не специально. – Кто знает пути, тому ни к чему вытаптывать траву, словно баранам.

– Все мы агнцы Божии... – сумничал Парель.

– Забавная у вас семейка, – хмыкнул я.

Принц звонко щелкнул ножами, вгоняя туда отчищенный до блеска клинок.

– И ты, конечно, знаешь пути? – улыбнувшись, поинтересовался он.

Я кивнул.

– Сможешь вывести нас поближе к Ростку?

– Это не трудно, – пришлось снова кивнуть. – А что у тебя за дело к князю Вовару?

– Хочу попросить его о помощи, – признался тот. – Проводишь?

– Пожалуй, – губы сами растянулись в ответ на искреннюю улыбку принца.

– Там, видать, знатное торжище, – обрадовался жрец, разглядывая оружие наемника. – В дремучей стране хороший меч должен быть в цене...

О своих планах по закапыванию тел неудачливых чужеземцев он уже забыл. Видно, этот жрец тоже не особо внимательно слушал уроки своего бога. Или был не таким уж и жрецом, каким хотел казаться. Я поймал себя на мысли, что личина путешествующего и проповедующего служителя – отличная маска для... недруга, желающего подобраться поближе.

– Этот меч возьмет Арч, – твердо сказал принц. Это была не просьба. Это был приказ. Я тогда еще не ведал, что связывает этих двоих путешественников, но зато теперь стало понятно, кто из них главный.

– Прими этот трофей, Арч Белый. Прими как дар и прости за вторжение в твой лес. Ибо не ведали мы, что творим беззаконие.

С этими словами Ратомир, принц и наследник Модуляр, забрав прежде меч у жреца и сняв ножны с тела наемника, склонил передо мной копну длинных пепельных волос и протянул свой подарок.

По дедовской правде такое подношение, не обидев дарителя, нельзя было не взять. Видно, не совсем все забыли там, за Великой рекой. Спящие могут еще немного подремать...

Я улыбнулся и взял.

Нужен был ответный подарок. Как знак прощения.

– Мы будем у ворот Ростка завтра к высокому солнцу, – приладив меч за спину, сказал я. – А чтоб идти быстро и твой толстый спутник с его баулом нас не задерживал...

– Я пойду быстро-быстро, – заторопился Парель. – Я умею... Здесь дикие звери, и вообще...

– Никто не собирался тебя здесь бросить, – хмыкнул я. – Этого еще только в моем лесу не хватало... Кроме того... ты меня забавляешь.

Минуту назад побелевшие щеки толстяка мгновенно налились кровью.

– Я лишь хотел подарить вам лошадей.

– О! – только и смог выговорить принц.

В лиге отсюда, на бугре, стоит мертвое, но все еще крепкое дерево. На его ветвях, в ожидании, когда мы уйдем, сидела стая ворон. Их интересовали трупы.

В полуверсте у ручья голодный, худой и со свалывшимся от долгой спячки мехом весенний медведь безуспешно пытался поймать шустрюю рыбешку. Он, конечно же, слышал шум с этой стороны, но ветер еще не донес запах крови. После полудня ветер сменится.

Кобылка и два жеребчика, привязанные за голые ветки орешника в логу в ста шагах от поляны, уже почуяли кровь. И услышали хлюпанье медвежьих лап по воде. Жеребцы нервно

переставляли подкованные копыта и пучили глаза. Кобылка опустила голову и вся дрожала. Они очень надеялись на людей, но боялись издать хоть звук...

Пока я ходил за лошадьми, чужеземцы отрубили оленю ногу. Я их понимал – они хотели есть и видели лишь гору мяса с рогами. Это же не они отпускали душу князя-олени на небесные пастбища.

2

Руна «Жизнь» похожа на дерево с могучими корнями и пышной кроной. Её я начертал первой, как знак того, что жив. И задумался. Следовало оставить сведения о себе, коли уж я дал слово проводить Ратомира в Росток и буду вынужден покинуть лес. Отец отправит кого-нибудь по моим следам. Подождет еще несколько дней и отправит. Следопыты легко найдут эту маленькую полянку с останками и следы, уходящие на север. Две лошади с седоками, еще одна – свободна, и я – бегом. Легко решить, что двое незнакомцев взяли меня в плен...

Вторым знаком стала руна «Странник». И «Долг» сразу – следом. Они поймут. Должны понять! Сын Белого оказался в долгу перед чужестранцами.

Потом я подвинул кусок бересты, чтоб следующие знаки шли ниже первых трех, и добавил руну «Обретение». Она похожа на солнце в зените – яркая, светлая, теплая. Мне всегда она нравилась больше других. Благо, что и значений у неё было уйма.

Указывать, что двигаюсь в сторону Ростока, смысла не имело. Не пней же дубовых, а настоящих лесовиков отец пошлет на поиски единственного сына. Ну, пусть и не первого ребенка в семье – у меня четыре старших сестры, – но сына-то единственного!

А вот что сделать нужно было обязательно – это оставить весточку матери. Все-таки я младший из детей. И хотя уже который год в одиночку бегаю по нашему лесу, в Росток ездил только с отцом и дядями. Мама точно станет волноваться... И следующей руной стала перевернутая «Волнение». И завершила все послание «Любовь».

Старики говорят – руны больше передают настроение пишущего, чем их общепринятый смысл. Ну, вроде как наконечник стрелы, который я использовал вместо стила, сам вычерчивает невидимые линии, передающие другое, скрытое послание. Изменяющее смысл священных знаков. Может, и так. И даже – хорошо, коли так. Ибо составлял я послание семье ранним утром, усевшись на седло лицом на восход и хорошенько помолчав. Был я расслаблен и сосредоточен. И волновался лишь о том, чтоб моя семья не волновалась.

Вышло вроде неплохо.

Подошла моя соловая лошадка. Ткнулась в ухо – поблагодарила за спокойную ночь. И за то, что, увидев, в каком состоянии копыта, весь день бежал рядом, а не взгромоздился в седло. Времени и инструментов, чтоб облегчить страдания желтовато-золотистой, с белыми гривой и хвостом, поджарой кобылки у меня не было.

Ночью приходил медведь. Он был сыт и любопытен. Поздоровался со мной и неслышно ушел. Наверное, заторопился к заваленному сучьями и хвоей трупу наемника. Медоеды отчего-то предпочитают слегка подгнившее мясо.

Жеребчики всхрапывали и били копытами. Плясали, пытаясь заслужить благосклонность кобылки. И совсем не боялись. Соловушка хитро щурила глаза и потряхивала гривой, отгоняя кружившую над поляной летучую мышь.

Потом они уснули. Так и застыли живыми идолами в разных местах поляны. И тихонько сопели. Почти не слышно на фоне богатырского храпа жреца Пареля.

Послание я прикрепил к стреле и всадил на пол пробоя в пень на берегу ручья. Видно с любого места поляны.

– На ящериц охотишься? – проходя к ручью, съязвил жрец. И через минуту шумно фыр-кал, плескаясь на бережку.

Принц, уже умытый и даже относительно причесанный, румяный от студеной воды, натягивал рубаху. Держать тело в чистоте – один из заветов отцов. Слышал я, есть далеко на юге народы, вообще не моющиеся. Да только не слишком-то я и поверил этим байкам. Человек, день не мытый, пахнет отвратительно. Через неделю его запах будет выбивать слезы из глаз. А уж через год... И представить себе не могу.

– Не так уж и часто наш юный Арч промахивается. – Льняная рубаха плотно, как перчатка, обтянула мокрый торс воина. – Если тебе интересно, на кого он устроил охоту, посмотри, брат Парель, что находится на острие его стрелы!

Губы сами собой расплзлись в улыбку. Похвала чужеземца оказалась неожиданно приятна.

– Оставил послание, – признался я. – Чтоб родные не волновались.

– У тебя борода отрастет до пояса, – хрюкнул жрец, на секунду перестав баламутить воду в сонном лесном ручье, – пока твоя родня найдет это место.

Оставалось лишь презрительно хмыкнуть. Брат Парель, признающийся в полной слепоте и невежественности, – это ли не забавно?

– И как скоро, по-твоему, твои соплеменники получают это послание? – заинтересовался принц.

Я пожал плечами. Следопыты лесного народа могли оказаться в окружающих поляну кустах уже сейчас.

– Я бы хотел, чтобы отец прочел мое послание как можно быстрее, – громко, четко выговаривая слова, сказал я. И снова улыбнулся, глядя, как самоуверенность чужеземцев брызгами полетела в разные стороны, пока они затравленно озирались.

Принц первым сумел взять себя в руки.

– Нам придется оставаться в городе какое-то время. У тебя теперь есть меч. Хочешь, я буду учить тебя владению клинком?

– Это будет интересно, – уклонился я от прямого ответа. Пока меня интересовал совсем другой клинок. Маленький нож с закругленным лезвием, чтоб обработать копыта моей соловой лошадки.

Собрались быстро. Даже у брата Пареля было не слишком много поклажи.

Жрец почти самостоятельно забрался в седло.

– Благослови всеблагой Басра путь наш, – отдуваясь от непомерного усилия, взвыл упитанный кому-то-брат. И что есть силы поддал пятками в бока жеребца.

Я снова бежал рядом с моей девочкой. Иногда держался за луку седла. Иногда просто у праздно болтающегося стремени. Это не трудно, коли знаешь как.

Торжественность соснового бора сменилась неряшливостью осинника. А та, в свою очередь, – веселыми березовыми перелесками. Стали попадаться вырубки. Пока мы не выскочили на глиняный утес, с которого город был виден как на ладони. И сверкающее на полуденном солнце озеро, словно волшебная аура, окружало выстроенный на полуострове Росток.

Южные ворота в высоченных, сложенных из убитых деревьев стенах выходили не на юг. А северные не на север. Единственная дорога, связывающая город с остальными орейскими княжествами, начиналась от южных – купеческих. А северные звались Княжьими, но перед ними только и было, что здоровенная вытоптанная поляна – вечевой дол.

– Слава Басре, добрались, – шумно вздохнул жрец, словно последние сутки бежал на своих двоих, а не восседал на смирном коньке.

– Мне нельзя в Росток через эти ворота, – махнул я рукой на южные. – Лесной народ должен входить в город через те.

До Княжьих ворот было на лигу дальше, и я надеялся, что иноземцы, уставшие от долгого путешествия по необитаемым землям, позабыв про все, ринутся к ближайшим. Тогда я

посчитал бы, что мой долг выполнен, и, поправив копыта соловушки, со спокойной совестью отправился бы домой.

Как бы не так.

– Значит, мы тоже войдем теми воротами, – совершенно серьезно, не обращая внимания на возмущенные вопли брата Пареля, заявил принц. – Традиции нужно чтить.

Впрочем, между воротами было не больше полутора лиг. Мы спустились с утеса по разъезженной лесорубами тропе и вскоре оказались на дороге, среди многочисленных телег крестьян, спешащих в город на рынок. Пришлось сбросить капюшон плаща. Не подобает сыну Белого скрываться, словно вор. Да еще почти у стен Ростока.

Первый же мужичок, разглядевший мой лесной наряд и светлые волосы, а потом и моих спутников, открыл рот от удивления. И тут же поделился наблюдениями с пассажиркой телеги – здоровенной бабищей в ярких платьях. Та последовательно совершила три позабавивших меня действия: отвесила оплеуху вознице, широко улыбнулась и, растянув и без того необъятную юбку, склонила голову.

– Здравствуйте! – звонким тонким голосом гаркнула она, привлекая внимание других странников.

Пришлось кивать и улыбаться. Кивать и улыбаться, кивать и улыбаться... И так до самых ворот.

Принц, уперев кулак в бедро и выпрямив гордую спину, благосклонно поглядывал, принимая приветствия. Жрец неустанно благословлял именем своего Басры... Дело дошло до того, что торговый люд попросту остановился, чтоб каждый мог выкрикнуть приветствие. В общем, скромно въехать в Росток не получилось.

У ворот вместо обычного одного стражника уже обретался полный десяток во главе с офицером.

– Принц Ратомир из Модуляр и жрец Парель, – сказал я, с легким поклоном, старшему дружиннику. – Мы войдем через те ворота.

– Добро пожаловать в Росток, Арч Белый сын Белого, – поклонился в ответ воин.

– Спроси иво, спроси, – знакомым звонким голосом выкрикнули из толпы.

– Дозволишь ли воспросить? – с еще одним поклоном, улыбнулся офицер.

– Да.

– Помнит ли сын Белого ряду Старого Белого?

– Конечно, – легко согласился я. – Помню, знаю и чту.

– Он помнит, – во всю силу командирского голоса рявкнул страж ворот. И народ радостно зашумел.

Я еще раз кивнул, теперь уже всей собравшейся у въезда в город толпе, и первым шагнул на траву, что разрослась под стенами. Следом за мной съехали и принц со жрецом.

– Какие замечательные добрые люди, – облизывая губы, поделился наблюдениями Парель, стоило нам отдалиться на пару сотен шагов от южных ворот. – Как они радостно встречали свет истинной веры...

– Потрясающе, – тут же согласился принц. – Они меня совсем не знают и так искренне радовались нашей встрече...

Мне оставалось лишь хмыкнуть. Кто из Спящих меня дернул отправиться в город вместе с чужеземцами?

На счастье, странникам было о чем поразмыслить. На некоторое время обсуждение гостеприимства ростокцев утихло. Ровно до тех пор, пока не стали видны вторые, Северные, ворота. И немалая толпа около.

– Все-таки славная традиция – всех незнакомцев встречать вот так вот... – Парель неопределенно взмахнул пальцами, – колбасками.

– А как вышло, что твоему народу следует только задними воротами пользоваться? И что за ряду припомнили тебе стражи? – спросил Ратомир, но в словах его явно звучал другой вопрос: «Насколько уместно являться ко двору местного князя с парнишкой из лесовиков?»

Я остановился. Повернулся, чтоб взглянуть в глаза чужеземца, и задумался.

Что ему сказать? С чего начать? Когда уснул последний из живых богов этого мира, земля перестала родить, а коровы – давать молоко. Лошади шли, только если их брали под уздцы и вели. И останавливались, стоило отпустить узду. Звери вышли из леса и по ночам бродили по улицам деревень, нападая на все живое... Как вдруг пришла зима с морозами и снегом по пояс, которого в этих местах никогда не бывало. Некоторых и нашли-то только весной, когда сугробы растаяли и двери в вымороженные хижины смогли открыть.

Рассказать, как отчаявшиеся люди отправились в Великий лес и убивали животных, чтоб хоть как-то прокормить семьи? И за несколько лет выбили все, вплоть до воробьев и синиц на лиги вокруг селений. И как рубили нижние ветви деревьев на корм скоту. Как шатающиеся от голода мужики выходили на дороги, отбирали у путников лошадей и тут же ели их сырое мясо. Как за десяток лет не родилось ни одного ребенка, а те, что должны были родиться, являлись на свет уже мертвыми. И их голодные матери орали от горя так, что даже вороны улетели из этих мест. Как трупы умерших складывали у дорог, ибо сил хоронить не было... И тогда...

– Старый Белый привел из леса отряд воинов лесного народа. Они взяли штурмом стены Ростока и убили всех, кто стал сопротивляться. А потом между Белым и ростокцами была ряда. И Правду Спящих богов рунами начертали на северных воротах города, – глядя в глаза принца, стараясь говорить очень четко, чтоб он точно понял, рассказал я. – И многие были казнены, из тех, кто Правду отцов позабыл и людское обличье терял...

И исцеляли скот, и заговаривали землю родить, и зверей изгоняли из селений.

Тех же, кто зверей в лесу бездумно стрелял и деревья рубил зазря в Великом лесу, Старый в озере топил. А из Великой реки привезли мелкоту рыбою с травой и в озеро пустили, чтоб и там пища людская водилась. Раньше-то озеро мертвым было совсем. Так и вышло, что должен я, потомок Старого, входить в те ворота, на которых руны. Чтоб знал народ и князь ростокский, что и я Правду чту и ряду помню.

– И много ли дани собрал твой предок с горожан? – причмокнув, поинтересовался жрец. – Или и сейчас князь туземный семье твоей приплачивает?

И ведь не поймешь, то ли шутит, то ли и впрямь такой дурак... И варвар.

Я хмыкнул, повернулся к чужеземцам спиной и пошагал к воротам.

– Принц Ратомир из Модуляр и жрец Парель, – снова представил я странников, теперь уже старшине княжьей дружины. – К князю Вовару по важному делу.

Чужеземец величественно поклонился, не слезая с коня.

– Добро пожаловать в Росток, ваше высочество, – делая вид, что не замечает моего присутствия, поклонился, звякнув кольчугой, седой кряжистый воин. – Мы проводим вас в дети-нец.

– Арч Белый, из лесного народа, со мной, – неожиданно для всех, громко заявил принц. Чем вызвал нешуточный шум в толпе.

– Да-да, конечно, – легко согласился старшина, мельком глянув на меня. – Он присоединится к вам чуть позже.

Ратомир на секунду задумался и потом все-таки согласно кивнул и двинул коня следом за расталкивающими горожан солдатами.

А я остался на месте.

– Лошадку-то вашу, поди, в князьи конюшни доставить? – отвлек меня от созерцания удаляющейся спины попутчика старшина.

– Ага, и пусть копыта соловушке поправят. Я вечером зайду – гляну...

И продолжал стоять. И стало мне нестерпимо одиноко, зябко. Так, что хотелось завернуться в теплый плащ, пристроиться где-нибудь в теплом месте, да и завывать горестно во все горло.

Мальчишки, припустившие было за чужеземцами, стали возвращаться, когда принц вдруг остановился. Обернулся, сверкнув глазами, и, наклонившись, что-то спросил у сопровождавшего его воина. Выслушал ответ, кивнул и, подбоченясь, отправился дальше.

А я обнаружил, что уже давно стоит передо мной седой старичок и выговаривает:

– ...Как вы с батюшкой вашим тот раз гостевали. С тех-то пор и пошло, что как весна, как травка молоденька из земли на свет повылазит, так што коняги, што кормилицы наши – коровки – совсем тосковать начинают. И ни есть, ни пить не хотят. Давеча жеребчика молодого...

Все просто. Раз пришел сын лесного народа в город да от ряды не отказывается – значит, иди и смотри, что с туземным скотом приключилось. Исцеляй.

Две зимы назад заезжали мы с отцом и дядьями в Росток. Посмотреть на древний камень – След, оставленный богами в подвале княжьего терема. В глубине брата-близнеца валуна, обрастающего мхом в дебрях нашего леса, вдруг загорелась крохотная красная искорка, которой тем не менее хватило, чтоб за ночь выжечь все живое на сажень вокруг. Так пока мы с отцом и князем Вовуром в подвал лазали, дядя – травники умелые – мигом скотину местную на ноги поставили.

Теперь-то я один. И имя мое, Судьбой выбранное, – Арч – значит «лучник». Травы-то и я знаю, да только целители животине не только отварами помочь могут. Тут сила особая нужна. У меня же мощь другая, я с ветром больше дружу, чем с землей...

И страшно стало так, что аж зубы свело...

– Отправь мелочь, на ноги легкую, крапиву рвать, – прямо так, сквозь зубы процедил я. – Как можно больше... И ноготки должны уже повылезать. Их тоже... хотя б охапку пусть нарежут... На площадь пусть несут. Там я буду.

Одеревеневшие ноги слушались плохо. Пришлось выпрямить спину и, глядя поверх голов – нечего им видеть плещущийся в глазах ужас, – шагнуть. Раз, другой...

3

Лето перевалило за середину. По утрам появились туманы. Слабые пока. Дымка вдоль земли, к рассвету падавшая на траву и плащи обильной росой.

Дрова в костре трещали, шелкали и горели плохо. От речки тянуло свежестью, но маленькие язычки пламени, затеявшие прятки среди наваленного в кострище хвороста, к земле не гнулись.

Сырое неприветливое утро.

Нужно было вставать и идти.

И костер все не разгорался.

И было страшно.

– Иди, – сказал отец. – Пожуеть по дороге.

И отказаться нельзя. Невозможно. Немыслимо. Все, абсолютно все, кому случилось дожить до порога взрослой жизни, в этот летний день поднимались на гору Судьбы. И через две ночи возвращались. И все приносили с собой знак. Я даже представить себе не мог, что бы сказали родственники, вздумай я отказаться от ритуала. Да и прожить всю жизнь без имени – врагу не пожелаешь. А нет знака – нет имени.

Я кивнул и тяжело вздохнул. Все уже сказано. Все приготовлено. Нужно идти.

Проснулись птицы. Далекого, невидимого за деревьями, горизонта коснулся край солнца. Верхушки сосен вспыхнули живым зеленым пламенем. И сразу стало легче. Даже поклажа уже

не казалась такой неподъемной. И две ночевки в незнакомом месте, без присмотра взрослых, перестали пугать. Я улыбнулся посветлевшему небу, поправил небольшой топорик на поясе, подпрыгнул, проверяя – не звякнет ли плохо уложенная мелочь, и пошагал в гору по узкой, оленьей, тропке.

Стоило подняться выше верхушек сосен, что окружали маленькую полянку, где остался поджидать моего возвращения отец, и взглянуть на покрасневшее от натуги – а вы попробуйте поднять такую тушу в небо! – светило, как давешние страхи показались смешными. Да и кого мне тут бояться? Звери не посмеют тронуть Бельчонка из лесного народа. Демонов в нашем лесу выбили еще во времена Старого Белого, а чужестранцы при всем желании это место не найдут. Хоть и торчит одинокая гора над нашим лесом, словно труба над хижинкой, да только ведут сюда пути заповедные, чужакам неведомые.

И прохлада туманного утра быстро развеялась. Выпала было росой на сочную траву, но и там долго не продержалась – истаяла под лучами жаркого солнца. По спине от быстрой ходьбы потекли струйки теплого пота. Топорик уже не казался грозным боевым оружием, скорее мешался. Я стал все чаще останавливаться, с любопытством крутить головой, осматривая доставшиеся мне на три дня владения.

Кто-то из веселых богов, создавая наши леса, сдвинул ладошкой кусок земли, да и оставил. Зачем ему это понадобилось, он объяснить побрезговал, но до самых Рассветных гор ни одной сколько-нибудь выпирающей выше деревьев кочки больше не было.

Западный и северный склоны получились настолько крутыми, что ни у чего, кроме любимого козлами кустарника, сил там расти не находилось. С востока и юга многие сотни лет гору подмывала неспешная лесная речка Крушинка. Песчинку за камешком уносила вода к далекой Великой реке части пологого склона, пока он не превратился в обрыв. И лишь козья тропа вела к вершине между обрывом и крутью.

На самой макушке, теперь уже едва видные под зарослями мышиноного гороха, остались никому не нужные развалины какого-то строения. Говорят, они теплые в любую погоду и даже снег на них тает. В середине лета проку от их теплоты не было никакого. Зато совсем рядом с этой грудой камней, чуть ниже по склону, располагалась замечательная, по рассказам дядьев, полянка, словно самими Спящими приготовленная для искателей знака. Вот туда я сразу и отправился – разбить лагерь, скинуть тяжелую поклажу с припасами, а уж потом отправляться исследовать закоулки горы.

Старый, изжеванный временем клен склонил одну из могучих ветвей над южной частью полянки. У его корней чьи-то заботливые руки смастерили небольшой, на одного, шалашик. Шагах в трех нашлось обложенное камнями кострище с запасом хвороста и куском бересты для розжига. Чуть дальше, за пригорком, весело журчал родничок, берега которого украшали многочисленные следы местных животных – козлов в основном. Присмотревшись повнимательнее, обнаружил под корнями гиганта и укрытую дерном, выложенную аккуратными бревнышками, нишу для хранения продуктов. Кто-то явно не знал, чем себя занять...

Я хмыкнул и заторопился разобрать поклажу. Уж мне-то скука точно не грозила. Предстояло исследовать огромную, по моему мнению, гору.

Но прежде следовало позаботиться о дровах – не зря же я тащил топорик с собой. Кучки хвороста явно не хватило бы на две ночи, а ложиться спать с закатом, как дома того требовали родители, я точно не собирался.

Впрочем, заготовка дров не заняла много времени. Сухостоя достаточно, топорик был бритвенно острым, а руки в предвкушении приключения – неутомимыми. Вскоре у кострища появилась хо-о-орошая горка дров.

Потом я сел под клен, перекусил и хорошенько напился. Следовало решить, с чего именно начать. Специально бродить по горе, заглядывая под каждый куст в поисках моего знака, я не хотел. А вот облазать закоулки, поохотиться на наглых козлов, облюбовавших гору,

вдоволь наесться ягоды, найти и забраться на самое высоченное дерево на самой макушке горы... Я собирался хорошенечко поразвлечься, чтоб было чем потом хвастаться приятелям.

Еще хорошо было бы найти клад. Наверняка, думалось мне, древние не могли пройти мимо такого поразительного места. Уж кто-нибудь из прежних, живших еще когда боги не спали, точно мог спрятать здесь какую-нибудь замечательную вещь. Золото или драгоценные камни меня совершенно не привлекали – я не знал, зачем они нужны. А вот обнаружить могущественный артефакт – вот это да!

Я даже хихикнул, когда представил, как я приношу старейшинам какую-нибудь штуковину вроде Длани Могущества Жизни, или Колчана Попутного Ветра... и мне дают имя – Длань. Брррр. Колчан, впрочем, еще хуже... Какая-то собачья кличка получается... Лучше уж – Ветер! Вот достойное имя!

Оставалось только найти. Но я нисколько не сомневался, что артефакт здесь есть и поджидает именно меня. А значит, нужно лишь пойти и забрать...

Но подстрелить козла – тоже здорово. Обмазанное глиной, запеченное в углях мясо – вкуснятина, пальчики оближешь. Только рога с собой тащить не стоит. Не хватало еще заполучить имя – Козел. Гадость какая...

Решение было принято.

Рогатые особо и не прятались. Крутой склон горы оказался весь покрыт тонюсенькими ниточками троп с многочисленными нишами под корнями кустов. В этом лабиринте, прекрасно видном от крайних к склону деревьев, обреталось не меньше двух десятков тонконогих козочек с козлятами и грозным самцом во главе. Украшенный здоровенными витыми рогами, вожак тут же уводил стадо, стоило лишь на пару шагов выйти из тени перелеска. Причем явно охотники их вниманием не баловали. Стадо меня скорее опасалось, но уж точно не боялось.

Зато удалось высмотреть подранка. Подросток скакал на трех ногах и постоянно отставал. Так что все сомнения отпали: зиму этот парень все равно не пережил бы.

Когда солнце перевалило за полдень, стадо, убедившись прежде, что им ничего не грозит, отправилось вверх. Явно к роднику. А я, сидючи на ветке дерева, почувствовал себя глупцом. Даже уши загорелись. Полдня подкрадываться, седалище отсидеть в засаде – и не догадаться, что рано или поздно животные пойдут на водопой... Какой я, к лешему, охотник! Слава Спящим, хоть никто моей оплошности видеть не мог...

Я в сердцах пнул какую-то гнилушку и, больше не скрываясь, отправился выискивать подходящую ветку на лук.

И ничего лучше клена не нашел. Остальные-то деревья на горе – ели, сосны да березы. Из их древесины тоже можно было оружие смастерить, да только это уже искусство. И заняло бы такое действо уж точно больше трех дней. Мне же нужна была просто ровная палка на один выстрел.

Я снял с кленовой ветки кору и положил в тень подсыхать. Тетива у меня была припасена, а вот к изготовлению стрелы стоило подойти серьезно.

Мне нужен был крепкий сухой прут, толщиной в палец и длиной в руку. Пришлось облазить все окрестности, набрать целый веник кандидатов и так и не выбрать тот, чтобы полностью подходил. Сухие веточки были слишком хрупкими, а срезанные с живых деревьев – излишне сырыми, их при подсыхании могло выгнуть дугой. Позориться второй раз, пусть этого никто и не увидит, совсем не хотелось.

Солнце клонилось к закату. Я, злой и усталый, вернулся в лагерь с горстью никчемных заготовок. Торопливо их ошкурил, туго связал ремешком в один пучок и бросил в шалаш. В животе бурчало от голода, настроение было отвратительным, да еще козлячий молодняк, словно в насмешку, затеял игры за бугром у родника.

Наконец что-то спугнуло парнокопытное стадо. Орда рогатых, лавиной снося подлесок, унеслась к спасительной круче. И сразу даже как-то от сердца отлегло. Так им, демоновым отродам. Нечего тут...

Мурлыкая себе под нос какую-то простенькую песенку, приготовил нехитрый ужин, выпил остатки воды из принесенных с собой фляг и уселся на камень у самого костра. Пора было заняться стрелой.

Мой веник подсох. Ремешок не давал прутикам вольно гнуться, так что оставалось лишь придать им требуемую твердость. Вот и пришлось, обжигая пальцы, крутить пучок над пламенем, внимательно следя за тем, чтобы на открытую древесину не попадала сажа. Потом проворачивал заготовки в тугом свертке и снова насыщал их силой огня.

С первой звездой решил, что сделал все, что мог, и этого достаточно. Ну, не на войну же я готовился. Развязав кожу, выбрал лучшую заготовку и тонким концом сунул ее в угли.

И пожалел, что не взял с собой нож. Подошел бы любой, даже тот, которым мама с сестрами чистят овощи. У меня был замечательный топорик, но его лезвие было слишком толстым для тонкой работы.

Когда счистил золу с обгорелого края и убедился, что стрела получилась достаточно острой, занялся пяткой и оперением. Совиные перья нашлись еще днем. Я даже всерьез подумывал, а не приволочь ли мне их старейшинам в виде знака. Но передумал. Снова пригодился бы нож, но раздавить ствол пера можно было и камнем. Нитка, выдернутая из подола плаща, накрепко скрепила древко и перья. Пятку пришлось выгачивать об острый край камня...

Баланс оказался не ахти – наконечник нечем было заменить. На празднике ветра, поздней весной, такая стрелка вызвала бы ураган смеха. Но это было лучшее, что я тогда смог смастерить, и даже был вполне горд проделанной работой.

На всякий случай снова примотал творение к ровной жердине опоры шалаша, чтоб стрелу не повело от утренней сырости. Сходил в кустики, поминая демонов и свою же бестолковость, уже в полной темноте сбегал к роднику с флягами. Расстелил у огня спальный мешок, улегся и, заложив руки за голову, взглянул на небо.

Старики говорили: пока Спящие были живы, небо было мертво. В лесу, под кронами гигантских деревьев, не особо разглядишь, но мы, будучи детьми, верили. А вот тогда, глядя на россыпь переливающихся разными цветами бриллиантов в угольно-черной бездне, я верить перестал. Как такое могло быть неживым?

Наискось, расплываясь причудливыми фигурами, сжимаясь беспросветными пятнами самой Тьмы, мигал бесчисленными огнями Звездный Путь. И чем больше я смотрел на это, тем больше мне казалось, что оно смотрит на меня...

На рассвете, когда я, озябнув, проснулся, никакого тумана не было и в помине. Небо было чистым, бездонным и бесконечно голубым. Легкий ветерок покачивал ветки древнего клена и посыпал спальник сединой уснувшего костра. Такая благодать была, что вставать не хотелось, и кабы не давление изнутри, настойчиво звавшее в укромное место, так и валялся бы до обеда, позабыв про охоту.

Дождя ночью не случилось, так что под пеплом, конечно же, нашлись тлеющие угольки. Оживив костер, подкинул прыгающим огонькам гнилой пень и вприпрыжку поскакал к роднику умываться. По пути еще успел себе попенять за лень: вчерашние подкрадывания не прошли бесследно для чистоты лица и особенно рук.

Козлиное племя берега ручейка сегодня еще не посещало – родник был студен, чист и полноводен. Так что и место для водных процедур выбрать не пришлось.

Вытереться было нечем. Сколько бы я ни тряс руками, ни размазывал влагу по лицу, капли нет-нет, да норовили забраться в глаза, малюсенькими искорками висели на бровях и ресницах. Попробовал фыркать, как весенний медведь, не поймавший рыбку в реке. Должно

быть, это весьма забавно выглядело со стороны, но на горе я был один, так что стесняться некого было.

Пора было перекусить да и приниматься за изготовление простенького лука. Но мокрыми руками лезть в мешок было противно. Так что я решил, пока подсыхаю, выяснить – куда же девается ручей.

Далеко идти не пришлось. Уже через десяток шагов, раздвинув нависающие ветки тальника, нашел маленький кривой овражек, обрывающийся прямо над Крушинкой. Склоны овражка оказались слишком крутыми. Желания преодолевать препятствия, да еще с высохшими руками, совершенно не было. Пришлось поворачивать назад и снова продираться сквозь беспорядочные тальниковые заросли. Протиснуться не слишком шумно, да еще пользуясь только тыльной стороной ладоней, – задача не из легких...

Может быть, именно поэтому, выбравшись, я сразу увидел след.

Всего один четкий, достаточно крупный отпечаток на размокшей земле у ручья, перекрывающий более глубокие ямки козлиных копыт. Зверь прошел здесь явно позже рогатых и был несколько легче их. И раз края следа уже успели подсохнуть, он пробежал здесь вчерашним вечером.

– Ага, – хмыкнул я себе под нос. – Так вот кто вас, козлячьи морды, вчера спугнул.

По форме лапа неведомого животного напоминала волчью: четыре четкие подушечки с четырьмя глубокими выемками когтей. Только пальцы все-таки расставлены шире...

Мне стало интересно. Теперь, неторопливо продвигаясь к лагерю, я искал и находил множество знакомых отметин. Старых – уже высохших, и совсем свежих – оставленных не позднее минувшей ночи. Странно, что я не замечал их раньше – неправильный волк и не думал скрываться.

Была еще одна странность, которая тем не менее меня не насторожила: я совсем не чувствовал это существо. Медленно переползавшее стадо рогатых, десяток белок, гнездо сороки на раскидистой березе у тропы вниз – этих, стоило захотеть, я ощущал прекрасно. Будь этот зверь больным волком, и он не укрылся бы от моего дара. Но нет. Хищник не принадлежал Великому лесу! Его дух посвящен другим стихиям...

– Демон его знает... – пожал плечами я и поежился. Не хотелось и думать, что это отродье, вполне возможно, именно в тот момент смотрело на меня из-под ближайшего куста.

В лагере следы тоже быстро нашлись. Причем совсем свежие. У костра, прямо на спальнике, у шалаша... Тварь даже пробовала раскопать укрытые в нише продукты. Перспектива остаться на горе без припасов абсолютно не радовала.

Я все еще не осознавал опасности. Демоны на земле следов не оставляют. А зверей я отказывался бояться!

И все-таки, сразу после припозднившегося завтрака, прежде чем приняться за лук, я поднял и подвесил на клене флягу воды и те из продуктов, что не испортятся на жаре. Рассудил, что этого мне вполне должно хватить на сутки. Теперь, со спокойной уже душой, можно было заняться луком.

И снова остро необходим был нож. Углубления на концах плеч получались слишком грубыми. Я боялся испортить тетиву – она служила мне верой и правдой уже с год, и было бы жаль потерять ее из-за ерунды. Пришлось снова взяться за осколок камня и тереть, тереть, тереть, шлифуя плечи будущего лука.

Солнце неумолимо взбиралось на пик неба. Приближалось время козлячьего водопоя. Нужно было торопиться, но я был готов отложить охоту на завтра, если не успею все сделать правильно.

В самом конце, тщательно выскоблив рукоять с внутренней стороны, я начертал на ней руну Ветер. Получилось не слишком красиво. Все-таки инструментов здорово не хватало, а одна из забракованных заготовок для стрел – не лучшая им замена. Но я был искренен и вложил

в маленький символ столько силы и желания, что мой легконогий друг охотно откликнулся. Корявая кленовая палка стала настоящим, хоть и слабым, луком.

Время подходило к обеду, но есть я не стал. На охоту лучше выходить слегка голодным – это обостряет внимание. А вот жара, которую не смог слуть даже плотный западный ветер, мне совсем не нравилась. Сидеть в засаде на пекле – дело малоприятное. Но отступать я был не намерен. Поднялся, привесил к поясу топорик, поднял с земли лук со стрелой и отправился на охоту.

Встал в тень, лицом к ветру, но не на пути рогатого племени. Пару мест я присмотрел еще утром. На счастье, одно из них подошло. Теперь оставалось только ждать.

Козлы не торопились. То ли вчерашняя неведомая зверюшка у водопоя здорово их перепугала. То ли день выдался не таким жарким, как вчера. Мне оставалось лишь терпеливо ждать. Имея корявый лук и единственную стрелу без наконечника, я мог рассчитывать только на один выстрел. И попасть нужно было в пяточок на теле козлика меньше половины ладони по размеру. Если бы мне это удалось, я мог бы с гордостью рассказывать об этой охоте своим внукам.

Наконец орда решила на поход к воде. Куцехвостые стремительно проскакали рошу, отделявшую их любимый склон от ручья, и вдруг все оказались на берегу. Вот он, прямо передо мной – мой долгожданный трехногий козлик! Я усиленно проморгался и принялся медленно поднимать оружие...

Серо-рыжая неопрятная тень на четырех крепких лапах выметнулась из-под куста. Козлы брызнули в разные стороны, даже не подумав сопротивляться. И только моя цель, жаркое, вкус которого я уже почти ощущал, не поспевала за стадом.

Спустя миг, огласив перелесок предсмертными хрипами, душа козленка отправилась на небесные пастбища. А я обнаружил, что стою, по пояс высунувшись из кустов, с натянутой тетивой. Выстрелить я так и не успел. Над моим ускользнувшим ужином победителем стоял другой охотник.

Самый опасный зверь в лесу не медведь. Косолапый ленив и трусоват. Росомаха смертельна в гневе, но легко пугается любого существа выше ее. Волки вообще не нападают первыми, если, конечно, совсем не оголодали, предпочитая подьедать ослабленных или раненых соседей по лесу. На пару недель в году и свидания с оленями лучше отложить – во время гона самцы не видят преград. У барсуков весьма длинные когти на передних лапах... Конечно, и сотня белок может доставить пару мешков неприятностей, но это уже совсем невероятно.

Бывает, в лес уходят собаки. От голода, потеряв хозяина или увязавшись за волчицей во время течки. Бывает, собаки остаются в лесу жить. Вот тогда они становятся проклятием. Они много умнее и предприимчивее волков. Хитрее лис. Они не боятся охотников и легко уходят из ловушек, а охотясь, не ограничиваются самыми слабыми. В голодные времена могут отобрать добычу у волков или медведя. Или забежать в ближайшее человеческое селение, к помойной яме. И никого это там не удивит и не напугает.

Но не в самом сердце леса. Передо мной стояла большая дикая собака. Свежая кровь капала с клыков с мизинец длиной, и я боялся шелохнуться.

Сука смотрела прямо в глаза. Стрела лежала на тетиве. Стоило расслабить кисть, и стрела отправилась бы в цель. И лишь осознание того, что едва заостренный пруттик не убьет здорового волкодава, удерживало от опрометчивого выстрела. Два охотника над телом добычи...

Я чувствовал напряжение мышц этой твари. Я знал, что она готова атаковать. И еще она сомневалась: все-таки в руках у меня было оружие, уж ей-то не знать силу лука!

– Это твой козел, – сжав бешено бьющееся сердце в кулак, изо всех сил стараясь дышать ровно, выговорил я. – Твоя добыча. Я уступаю.

Мне показалось – она поняла. Очень хотелось, чтоб поняла. Опасаясь повернуться ко мне боком, сука отступила на пару шагов. Секунду выждав, я тоже, не делая резких движений, спиной вперед, отступил в кусты.

Руки свело. Пальцы побелели, но я боялся ослабить натяжение. Знал: могу и не успеть, если тварь передумает. Так и шел, натываясь спиной на деревья, пока не перестал различать блеск ее глаз. А потом слился с лесом.

Никогда до этого у меня не получалось так двигаться в Великом лесу. Я торопился, руки болели, а спина взмокла от страха, но ни единая веточка не хрустнула под ногой. Ни один лист не шелохнулся. Краем глаза я отмечал птиц на ветках, которых мог взять рукой – они меня не видели. Я стал духом леса...

В лагере быстро и беспорядочно накидал в спальник свои вещи и закинул получившийся мешок на клен. Хотелось скулить. Казалось, тварь прямо за спиной и готова к прыжку. Я метался по поляне, вглядываясь в беспорядочные тени кустов, выискивая знакомый блеск глаз. Не находил, злился и тут же покрывался холодным потом от ужаса, когда думал, что увидел ее.

Трудно было забраться на дерево. Руки не хотели выпускать лук со стрелой. Но когда я наконец поднялся и осознал, что собаке до меня не добраться – впал в какой-то ступор. Так и сидел, не слыша и не видя ничего вокруг, пока не наступила ночь.

Утро застало меня живым. Солнце встало, как всегда, на востоке. Небо нашлось на своем месте, а вовсе не упало за ночь. Орали птицы, причитала сорока. Ветер шумел в кронах сосен, и шишки со стуком падали на усыпанную хвоей землю. Все было как всегда, как сотни и тысячи лет в Великом лесу в середине лета. Только я, как сыч, сидел на клене.

Кое-как умылся из фляги. Перекусил остатками припасов. Напился. Свернул и увязал спальник... И вспомнил о твари.

Больше меня ничто на горе не держало. Мог слезть с дерева и убежать вниз, к отцу. Стоило рассказать о собаке, и любой из опытных охотников лесного народа, с полноценным луком, за полчаса освободит гору от вторгнувшегося существа. И мне в глаза никто ничего не скажет... Посочувствуют только...

Еще можно было взять топор наперевес и отправиться искать сучье логово в надежде, что хватит сил и умений с одного удара раскроить череп. Только не был, как ни разглядывай, маленький топорик оружием, да и в своем искусстве обращаться с ним я сильно сомневался.

Или можно забраться повыше на старый клен, на самую верхушку, расправить руки и полететь. От стыда подальше. В надежде, что смерть будет быстрой или земля мягкой...

И когда тварь пришла на мою поляну, разлегшись на том месте, где лежал спальник, я полез вверх.

Оказалось, что именно мой клен – самое высокое дерево на горе. Вид оттуда был просто захватывающий. До самого голубого горизонта во все стороны простирался Великий лес. Кое-где между деревьями блестели речки, далеко-далеко на юге наливалась чернотой грозовая туча. Под горой размытой кляксой колыхались остатки дыма костра моего отца...

А вот прыгать с макушки было бы бессмысленно. Ветви на десяток саженей вокруг основного ствола закрывали землю. Так далеко я б не сиганул, а, словно белка, скакать по ветвям не входило в мои планы.

Решив еще раз поразмыслить о топорике, полез вниз. И, почти уже добравшись до временного пристанища на широкой развилке, чуть не свалился – что-то пребольно укусило прямо в ладонку. Кое-как удержавшись, обнаружил удивительно глубокую и неожиданно ровную ранку. И торчащее из корявой коры острие стального трехгранного наконечника стрелы.

Если бы не знал, что Спящие не услышат, я бы помолился. Настоящий боевой пробой, пусть и кованный орейскими мастерами, а не лесным народом – о таком чуде я не мог даже мечтать.

Я рычал и, ломая ногти, царапал неожиданно крепкую кору. Прихватывал кончик зубами и пытался расшатать. Исцарапал все руки и проколол губу.

Пока не вспомнил о топоре. Через пару минут маленькое хищное лезвие лежало у меня на ладони. И не было более желанного подарка Судьбы.

Подражая дяде Стрибо, я подвязывал волосы тонюсеньким кожаным ремешком. Тогда он мне очень пригодился. Осторожно расщепив древко своей полустрелы, вставил туда пробой и крепко примотал смоченной прежде полоской. Летним днем кожа сохнет быстро...

Собака, вальяжно развалившись на траве у потухшего костра, нагло спала. Я мог бы, пройдя по толстой ветке, встать прямо над ней и всадить даже свою недоделанную стрелу прямо ей в сердце. Но вместо этого полез на верхотуру убиваться...

Где-то на горе ждали мамку щенки. Только тогда, на дереве сидючи, я разглядел набухшие молоком соски у пришлой твари. Я представлял для собачат опасность, а значит, их мать не оставила бы меня в покое.

Кожа высохла раньше, чем сука проснулась. Я вновь надел на свой лук тетиву, наложил стрелу с окровавленным жалом и спрыгнул на землю. Теперь я совершенно не боялся пришлое животное.

Собака сразу проснулась и вскочила. Шерсть на загривке вздыбилась. Страшные клыки блеснули на солнце. Я чувствовал – она готова напасть...

Но не нападала. Понимала – что-то изменилось. Почему-то я ее больше не боялся.

Псина не могла позволить мне уйти. А я не мог позволить ей остаться.

Мне было уже жаль ее до слез, и, если бы отступила, не стал бы убивать. И в карих глазах стоящего напротив существа я не видел ненависти. Встретившись в другое время в другом месте, мы вполне могли бы стать друзьями... Она все-таки прыгнула. Руна на рукояти лука вспыхнула, кольнув ладонь. Я отпустил тетиву, и стрела, получившая свободу, свистнув от восторга, отправилась в короткий полет.

Трехгранник ковали, чтобы доспехи навесом пробивать. Боевая у меня вышла стрела. Для войны, не для охоты. Пробой вошел точно в глаз и вышел из затылка. И сила моего легконового друга – ветра – была столь велика, что дохлая псина кувыркнулась через голову.

– Жаль, – прохрипел я и отправился к роднику. Пить хотелось невероятно.

С горы спустился только к вечеру. Из мешка попискивала пара пушистых щенят. В кулаке – лук и обломок стрелы с заветным наконечником. А в поясной сумке, на самом дне хранился тщательно завернутый в лоскут клык самого опасного зверя.

Мне было, что рассказать старейшинам.

4

Когда поймал себя на мысли, что проще свернуть курице голову, чем заставить старушку нестись, понял – на сегодня хватит.

– Прости, уважаемая, – развел руками я. – Птице твоей жить осталось одно лето. Корми, заботу ей дай. В Небесных пастбищах нелегко птицам... Пусть передохнет старушка...

Хозяйка злополучной курицы, аккуратненькая женщина в снежно-белом переднике и с крепкими руками со следами мучной пыли, страдальчески улыбнулась и торопливо – как-то стеснительно – сунув мне в руки теплый еще сдобный калач, подхватила пожилую виновницу торжества. А я немедленно запихал хлеб в рот. С утра поесть больше так и не получилось.

– Бу-бу бу-бу, – попробовал говорить с набитым ртом. Какой-то добрый человек сунул крынку с молоком. И никто из обступивших меня людей не засмеялся. Я пожал плечами и, прожевав, повторил:

– Завтра приду. Утром.

Передние поклонились и тут же повернулись ко мне спинами. Через минуту торговая площадь уже жила своей жизнью, меня не касающейся и на меня внимания не обращающей.

Сидел на теплых деревянных ступенях чьей-то лавки, жевал вкуснейшую сдобу, запивал сладким молоком. Смотрел, как приказчики закрывают торговлю, как гильдейский мастер без-

злобно ругается с дородным купцом, как мальчишки с большущими пушистыми березовыми вениками приводят площадь в порядок.

День заканчивался. Солнце лишь верхним краешком, словно лысиной, торчало из-за городской стены. Я смотрел по сторонам, привыкая к ограниченному со всех сторон пространству. И завидовал ветру, что играл с плащами стражей на стенах. Хотелось улететь.

В моем лесу из почек начинали проклевываться детеныши листьев, а здесь, на раскрашенных в яркие цвета стенах домов, сложенных из убитых деревьев, ложилась пыль. В лесу открывались муравейники, и у ручьев запевали первые лягушки. Скворец выговаривал скворчиче на подслушанном где-то на сказочном юге, неведомом языке. Облезлые, не вылинявшие белые зайцы водили хороводы на покрытых подснежниками и медуницею пригорках. А в Ростке весенняя грязь сменилась летней пылью. Горожане сменили верхнюю одежду, и хозяйки выставили горшки с растениями на улицу. И все осталось по-прежнему.

Тесно мне было там. Так тесно, что, казалось, давит на плечи груз тяжкий. Давит, пригибает, не дает вздохнуть полной грудью.

Усмехнулся, заметив, как косятся боязливо подметальщики. Чужой я городе.

«Завтра еще погощу, да и уйду», – решил я и улыбнулся краешку солнечной лысины.

– Я, понимаешь, с ног сбился иво по всему Великому Ростку выискивая, а он сидит, понимаешь, улыбается, – здоровенный детина в расшитой рубахе, подпоясанной наборным поясом, орал неожиданно неприятным голосом, привлекая взгляды прохожих. Сверкающий начищенной медью пояс предполагал меч на боку, но вооружен горластый молодец не был. – Че расселся, понимаешь? Принц-то чужеземный грит, мол, за стол с князем не сяду без мальчонки своо леснова, а он тут сидит, лыбицца, понимаешь. Светлейший наш тут жо меня от дел государственных отринул, а он тут как прилепленный...

– А чего ж сам не пришел? – тихонько выговорил я. – Понимаешь?

Дворовый отрок даже рот раскрыл от изумления. В его голове не укладывалась мысль, что хозяин и повелитель центра мира – ростковского детинца – мог сам пойти...

– Голос у тебя громкий, – и не подумав напрягать свой, я продолжал почти шептать: – Не боишься потерять ненароком?

Детина сглотнул, и громкость сильно сбавил.

– Князь-батюшка спрашивает, принц-то как к тебе прибился?

– Так получилось, – улыбнулся я такой резкой перемене. – Ряду чужестранцу дал, в Росток их привести. Вот и привел... Ты это, иди давай. Светлейшему скажи... обещанное я исполнил. Завтра скот посмотрю еще, да и пойду.

Лоб дворового человека наморщился. Я был уверен – половину забудет, другую переверт. Надо было идти самому.

Старики говорят, что, когда солнце касается брюхом горизонта, ступени небесной лестницы кончаются и золотой диск попросту падает на дно земли. Причем, бывает, шлепается, что до утра выправить бока не может – так и вылезает приплюснутым. Иногда и того более – трескается. На небе ни облачка, а оно полосами идет. Верная примета – будет буря. Не по душе солнцу таким битым по небу ходить, стыдно. Злится оно. А оттого ветры дикие налетают и другие непотребства. Грозы да ураганы – от злобы и есть – это всякий знает.

Слава Спящим, тогда светило ушло спать чистеньким. Быстро темнело. По изогнутым улицам отправились первые патрули ночной стражи. У таверн и столовых зажигали фонари. Дома стремительно размывались, становились одинаково серыми.

– Соловушку-то глянуть, – вскинулся я. – Ночь же скоро, чего ж это я... Со скотиной провозился, а лебедушка-то моя...

– Я не скотина, – обиделся княжеский гонец и замолчал. Так и семенил сзади, надув щеки и сверкая глазами, пока не показался мост через канал, окружающий детинец.

Чуть кивнув скучающим у ворот дружинникам, почти бегом вбежал в верхнюю крепость ростокского князя.

– Парнишка со мной, понимаешь, – не слишком уверенно выдохнул приотставший запыхавшийся верзила.

– Да мы видим, – заржали воины. – Как же иначе-то?!

Похоже, дворового в казармах не слишком жаловали.

Слева, из пристроенной к стене кузницы, пахло, царапая нос, огнем и раскаленным железом. Из казарм вился язык запахов пота, кожи и прокисшего пива. Чистым бельем, пылью и жареным мясом тянуло с крыльца княжеского терема. Лошади, переговаривавшиеся в здоровенном сарае, располагались справа. Именно к ним я и отправился.

У моей лошадки все было в полном порядке. Копыта, поправленные знающим конюхом, больше не причиняли ей боль. От внимания рослых боевых коней выгибала лебединую шею, игриво переступала и косила большущими глазами.

В конюшне было сухо и чисто. В яслях – перемешанный с молодой крапивой овес. По углам старые веники пижмы и полыни, отгоняющей насекомых. Пол присыпан соломой.

– Проверил? – ехидно поинтересовался седой конюх от ворот.

– Да, – легко согласился я. Попрощался до завтра с соловой лошадкой и подошел к лошадиному мастеру. – Спасибо.

И поклонился ему, как кланялся деду и дядьям за урок.

– Тебе спасибо, – вернул поклон раскрасневшийся от похвалы старик. – Толстяк сказывал дворовым, будто ты два дня рядом с седлом бежал?

– Она же говорить не может, – я кивнул. – Это я знаю, как ей больно было. Парелю с принцем не до того...

– Это кто ж такое со скотиной бессловесной сотворить мог?

– Я не спрашивал его имени, – продолжая улыбаться, успокоил я старика. – Я его убил.

Седые брови взлетели. Видно было – поверил. Уточнять, за что именно заплатился бывший хозяин лошадки, я не стал.

– Иди уже, – вздохнул конюх. – Там Велизарий на навоз исходит. Его княже за тобой отправил. Он надулся, как индюк. А ты вместо хором в конюшню...

Я не удержался и хихикнул.

– Ты на него обиды не держи. Пришлый он. С купцами в Росток пришел да и прижился при детинце. Так-то он парень неплохой...

Оставалось лишь пожать плечами. Я про княжеского гонца уже и думать забыл. А в терем идти совершенно не хотелось.

Здоровяк мялся у крыльца, и даже как-то стыдно перед ним стало. Парень добросовестно выполнял поручение, а я с ним так...

Вот и пошел под его почти невнятное:

– Ему, понимаешь, честь великую... В гостевые хоромы, грит, проводи... А он, понимаешь, коней... Э-э-э-х, самого-то соплей перешибить и не вспотеть, а он заместо князя пресветлого – к конягам безмозглым...

Топал себе, не останавливаясь, не разглядывая завешанные гобеленами стены. На поворотах, под «сюда изволь», послушно улыбался и кивал.

Гостевые комнаты занимали целое крыло княжеского терема. Когда в Росток приезжает мой отец, все эти помещения наполняются жизнью – суетой слуг, топотом посыльных. В просторных прихожих собираются приказчики местных торговцев, просители и мнимые благодетели. Весело и совсем некогда скучать.

В тот раз все эти пустынные пыльные залы навевали тоску. Из углов хлопали ресницами глаза мрака. Под полами необитаемых хором скреблись мыши. На чердаке возилась в гнезде

сова. Рассыхающиеся доски поскрипывали. На счастье, мне отвели не все крыло, а лишь пару комнат, которые обычно занимал кто-то из дядьев.

– Сюда изволь, – последний раз буркнул гонец, открыл дверь и пропустил меня в пригтовленное обиталище.

– Спасибо, Велизарий, – искренне поблагодарил я, бросая скудные пожитки на лавку у стены. – Воды бы мне. Помыться... и вообще...

«Колдун, не иначе», – беззвучно сказали губы парня. Однако он лишь торопливо кивнул и шепнул:

– Пожалуйста. Ща принесу...

Потом уже, вымывшись и причесавшись, открыл глухие ставни в студеную весеннюю ночь. Обмотал чресла полотенцем и стоял, ласкаемый нежными язычками ветра – сох. Нацарапанная засапожным ножом на подоконнике руна подсвечивала лицо голубым, цвета неба, светом. Волосы трепетали, вились на сквозняке, словно живые...

– Ха! – вытряхивая из сладкой истомы общения с нареченным братом, гаркнул, входя, Балор – старший сын и наследник ростковского князя. – А я-то глупый смеяться стал, что тебя отрок дворовый колдуном назвал. А он стоит голый на ветру и чародейством волосы сушит!

– Я не голый, – уточнил я. – Здравствуй.

– Приветствую и тебя, Арч, – слегка поклонился княжич. – Как же – не голый?

– Я... не одет, – хмыкнул я.

– Хрен редьки не слаще, – откровенно веселился парень.

– Рад тебя видеть, – поклонился я в ответ. – Давно не виделись. Слышал, ты женился?

– А-а-а, – делано отмахнулся Балор. – Отец дочь владыки из Дубровиц сосватал.

Я кивнул. Бьющийся в сердце молодого человека огонь подсказывал, что невеста была ему по сердцу.

– А ты как? – вскинул брови товарищ по детским играм. – Сердце так и не дрогнуло от зеленых глаз лесной красавицы?

– Ха, – губы сами расползлись в широкую улыбку. – Отец зиму таскал меня по всему лесу. По селениям народа в пределах недельного перехода. Знакомил с целой армией красавиц. А как ручьи зажурчали, я сбежал.

– Молодец, – веселился наследник. – И что к нам заглянул – тоже молодец!

На цыпочках, грохоча, как телега по мостовой, сторонкой прокрался Велизарий. Положил вычищенную одежду на широкий сундук, зачем-то расправил складки, чего-то буркнул и так же «неслышно» вышел.

– Ну, в Росток-то я случайно... – натягивая похрустывающую чистотой рубаху, прокрихтел я. – След раненого оленя увидел...

Отец Балора был хорошим правителем. Мудрым и справедливым. И с тех пор, как в бороде поселилась седина, никогда не принимал решение, полностью не разобравшись в деле. Тому же с младых лет учил и наследника. Так что я был уверен, что еще до посвященного принцу вечернего пира увижу княжича у себя.

Юноша слушал внимательно – ему еще предстояло повторить мою историю для Вовура.

– ...Вот и выходит, что высочество мое прибудное отца твоего просить станет о помощи в войне. Потому и не стал я о себе да о народе из леса ему сильно рассказывать. Парнишкой из дикого леса побывать оказалось весьма...

– Представляю! – криво усмехнулся Балор. – А толстопузый с какого бока тут?

Кому-то-брат, видно, сразу ко двору пришелся. Такого в тереме ростковского князя еще не видели.

– Слабые там, на западе, за Великой рекой, люди живут, – фыркнул я. – Боги им нужны, чтоб штаны поддерживать. Как Спящие уснули, придумали себе Басру какого-то. Жрецов расплодили, что новые правила толкуют. Правды им мало. Нужно, чтоб кто-то за руку водил. Я

так рассудил, Парель с Ратомиром Модулярским и отправился, чтоб право принцево удостоверить. Сами-то они Слову правдивому давно не верят. Золотым кружочкам молятся – не Басре своему выдуманному.

– Ну, и у нас золото-серебро в чести, – отмахнулся княжич. – Хорошо вам в своем лесу. Все, что надо, вам Лес Великий даром дарит. А чего нет – у нас берете. Вам потому и звон золота слово Правды не застит. За спинами нашими от мира отгородившись...

– Сам придумал, иль подсказал кто? – рыкнул я, ногой запихивая дареный меч под лавку. И тут же понял, откуда надуло в голову приятеля такие мысли.

– Жёнку твою-то мы чем обидели?

По вспыхнувшим глазам наследника увидел – я прав!

– Иди к принцу, Арч, – слегка покраснев, хрипло выговорил Балор. – Он без тебя на пир идти не хочет...

– Ага, – сразу согласился я. – Пойду, пожалуй...

5

Радость Ратомира оказалась неожиданно приятной.

Его глаза сурово блеснули на продолжающего меня опекать Велизария. Видимо, решил, что огромный по сравнению со мной дворовый не столько прислуга, сколько надсмотрщик. Но все-таки промолчал. Тем более что в комнату вкатился кругленький Парель.

– Ключница у туземного владыки – весьма достойная женщина, – совершенно не выказав каких-либо эмоций от моего вида и не обращая внимания на отирающего косяк двери здоровяка, вскричал жрец. – Повела, что торг здесь, слава Басре, побогаче дубровического будет. Завтра наведаюсь туда...

– Его светлость, князь Вовур, приглашает его высочество принца Модулярского со спутниками присоединиться к гостям на вечерней трапезе, – громогласно пригласил нас всех явившийся слуга.

– Благослови тебя Всеблагой Басра, чадо, – обрадовался Парель. – Веди скорей. Не станем заставлять добрейшего князя ждать.

Не знаю, насколько чужеземный жрец был озабочен нуждами ростокского князя. Ноздри Пареля хищно трепетали от доносящихся из кухни в покои принца запахов, да и у меня в животе давно бурчало.

В принципе, можно было и не торопиться. Из опыта предыдущих посещений княжеского терема, я знал, что между приглашением и началом трапезы пройдет не менее получаса. Пока специально обученный дядька огласит весь список титулов каждого входящего, пока все рассядутся, пока принесут огромные блюда с пищей. Мне каждый раз было интересно: это они только ради гостей стараются, или у них ежедневно такой ритуал? А то, может, ну его, к Спящим, да и попросить Велизария накрыть прямо в комнате? Все равно о делах на вовуровском пире говорить не принято, а на встречу в тесном кругу обязательно пригласят.

Впрочем, хозяин в городе – князь. Есть нужда, хочется похвастаться: вот, мол, какие люди не побрезговали за стол мой сесть, так кто я такой, чтобы отказывать ему в этой маленькой безобидной прихоти? В какой-то мере эта церемония – тоже часть политики. Умелые пловцы в ее мутном омуте могут по одному тому, как гостей рассаживают за столом, далеко идущие выводы делать. Кто в почете, кто ни рыба ни мясо, а кого подвалы темные заждались с нетерпением. Да и торговому люду такие знания ох как важны. Не сам же князь по лавкам шастает, все на людишек своих переложил. А терем ростокский одного хлеба поди пудов по пять в день закупают...

На счастье, мой приبلудный принц значился в самом верху объемного списка.

– Его высочество, наследный принц Модуляр, отважный Ратомир со спутниками!

Я мысленно крепко пожал руку Балору. Так-то по праву сильного должны были меня вперед чужестранца вызвать. Но раз записан я был всего лишь в спутники, значит, и Вовур с сыном не спешат глаза путешественнику раскрывать. Кто знает, что именно просить пришел. И зачем.

Мы вошли. Первый – его высочество, блистающий вынутым со дна жреческих баулов расшитым золотом кафтаном и давленной кожи высокими сапогами. Высокий и статный. Причесан, умыт и с мечом на боку. С улыбкой до ушей и тревогой в глазах.

Следом кому-то-брат. Скромно опутивший голову и сложивший невинно колбаски пальцев на пузике. И с носом по ветру.

Потом уж я. Не чета Ратомиру. Воробей в стае петухов. В лесном камзоле из кожи с кротовым подбоем, в простеньких штанах и мягких, оленьей кожи, сапогах. На голову ниже чужеземца и в два раза тоньше. И из оружия только нож в сапоге. Да еще угроза в глазах. Не всех княжич предупредить успел, пришлось и мне глазками поблестеть.

Сам-то князь уже лет десять как вдовец. Так что по правую руку от Вовура, конечно, сын и наследник с супругой. А вот дальше принца и усадили. Нас с Парелем вообще к нижнему столу проводили, где обычно купцы из не слишком важных, отличившиеся воины да мастеровые располагались. Вот только ни к кому из них личного слугу не приставили. А у нас за спиной тут же встал Велизарий. Ратомир глянул сверху, чуть кивнул и тут же отвлекся на соседа – воеводу ростокского. Похоже, два воина быстро нашли общие темы для разговора.

Люди продолжали входить. Вскоре лавки у обоих, верхнего и нижнего, столов были заполнены. Поварята понесли на разносах всевозможные блюда. Виночерпии разлили напитки по кубкам – вино на верхнем столе, пиво на нижнем.

Балор встал, произнес первый тост – что-то про гостеприимство. Ратомир пригубил, встал и ответил. Потом здравицы полились, как вино. А вино – следом за словами.

Я ел, мечтая о матушкином киселе, прихлебывал пиво и вполуха слушал азартное обсуждение урожая и цен на зерно, затеянное братом Парелем и его соседом по лавке. Причем жрец, к нашему с купцом вящему удивлению, прекрасно разбирался в том, о чем говорил.

Глаза блестели, движения становились порывистыми, щеки краснели. Гости стали вскакивать или даже переходить с места на место. Разговоры становились все громче... Князь развалился в кресле во главе верхнего стола и добрыми глазами сверкал из-под кустистых седых бровей.

Мой принц успевал любезничать с соседкой – молодой женой ростокского наследника, живо общаться с самим Балором и не забывал кряжистого воеводу. Серебряная тарелка перед чужестранцем никогда не пустела, а вот вино, сколько бы слуга ни заглядывал гостю через плечо, почти не убывало.

– Ха, – брызгаясь слюной, вскричал Парель прямо над ухом. – И это, уважаемый, ты называешь славным урожаем?! Да в модулярских селах, слава Всеблагодому, в тот год, как Ратомиров отец в лучший мир отошел и его дядя на престол уселся, вдвое от того зерна собрали! И тыквы с репой по четыре штуки на телегах возили! А хмель столь ядрен был, что пиво, с него вареное, само б срамные песни спьяну пело, кабы у напитка святого рот был! Два лета назад то случилось. Может, и более того урожаи были, да только я с высочеством в странствия пошел...

– Бреешь, святая морда! – взвился купец. – Не видали такого, чтоб репы с тыкву росли! Как Спящие почивать улеглись, так и не было!

– Я брешу? – жрец аж задохнулся от возмущения. – Я брешу? Да как у тебя, отрыжка Спящих, язык-то повернулся?! Да, чтоб мне с места не сойти, ежели где сбрыхнул!

Кому-то-брат и правда попробовал встать, да, видно, немало было уже выпито и ноги слушались слабо!

– Что съел? – обрадовался сосед. – То-то и оно, что бреешь!

– Да я... Да я... Ща как дам в ухо...

На всякий случай, я начал отодвигаться от распалившихся спорщиков. И уже подумывал, как бы незаметно улизнуть. Но вдруг заметил, как вдоль стены проскользнул старшина дружинников и, помогая себе руками, принялся что-то втолковывать князю. Причем это «что-то», видно, было столь интересным, что Ратомир с Балором отвлеклись от княжны и тоже прислушались.

Вовур внимал. Иногда что-то уточнял. Выслушивал ответ и искоса бросал взгляд в мою сторону. Уйти в такой момент – оскорбить хозяина терема. Я остался сидеть, елозя на месте от нетерпения.

Заметив, что воин собирается уходить, поманил башней торчащего надо мной Велизария.

– Гонца дружинного видишь? – не терпящим возражений тоном приказал я. – У выхода его дождешься. Скажешь, мол, Арч Белый спросить прислал. Пусть тебе доклад повторит. Вернешься – расскажешь.

Дворовый тяжело вздохнул, но послушаться не посмел.

Кусок больше не лез в горло. За верхним столом активно обсуждали новость, жрец с купцом, обнявшись, распевали незнакомую песню на смутно знакомый мотив. В углу, распулав собак, кто-то кого-то обстоятельно валтузил. Пара гостей громко храпела под столом. Воины у входа поставили копыя к стене, тыкали пальцами и громко смеялись, хлопая друг друга по плечам.

– Ну? – выдохнул я в лицо Велизария, стоило только тому, вернувшись, нагнуться ко мне. Подждать моего разведчика оказалось неожиданно трудно.

– Деревенька есть на дубровицком тракте. Тырышкин Лог называется.

– Ну. Знаю.

– Оттель счас гонец прискакал. Староста ихний послал мальчонку на резвом коне.

– Да не тyani ты душу, – взмолился я.

– Сказывал – послы в Великий Росток идут. Завтрева к высокому солнцу должны к вратам подойти. Покуда господа посольские у старосты заночевали. А слуги с охраной за забором, на поляне, что прям у Дальней Вехи, лагерем встали. Сказывал, одной охраны у послов сотни полторы, да слуг еще пол-столько...

– Откуда послы-то? Злыдень!

– Дык, это. Ясно откуда. Оттудова, откуда и принц ваш чужеземный. От короля Модулярскова, известно...

– Забавно, – я только и смог выговорить.

– Вы бы покушали еще, – вдруг напряженно зашептал парень. – Видно, окромя того калача, во рту и маковой росинки с зари не держали!

– Да-да, конечно, – рассеянно согласился я, отворачиваясь.

Велизарий куда-то делся. Парель выяснял с торговцем хлебом, кто кого больше уважает, и дело шло к очередной драке. Будущая княгиня Ростока успела покинуть пиршественную залу, а князь, княжич и принц о чем-то тихонько разговаривали. Воевода активно воспитывал воинов у дверей. На меня никто внимания не обращал – можно было скромно уйти.

Моя гигантская «тень» сказала, что посольство намерено прибыть в Росток к полудню. Вряд ли две сотни далековато забравшихся путешественников будут гнать коней. До деревеньки у Дальней Вехи путь недолог, всего-то часа три галопом на лошади. Значит, представители владыки Модуляра выполняли какой-то им одним ведомый план. Вопрос лишь в том, зачем они вообще потащились в такую даль от границ своей страны. Ратомир говаривал, что они со жрецом уже почти два года в пути. Выходило, что «посольство» в первую очередь – погоня.

Наконец, явилось с десятков дюжих молодцев, тут же принявшихся утаскивать и уводить подвыпивших гостей. Другие слуги потащили на кухню разносы с объедками. Обиженные собаки стаей ломанулись следом.

Князь встал, поймал мой взгляд и чуточку склонил голову, приглашая следовать за собой. Ратомир с Балором, продолжая оживленно разговаривать, уже выходили из зала. Я подскочил, тут же обругал себя за нетерпеливость, вздохнул и отправился за Вовуром.

Детинец на обрывистом берегу Серебряного озера появился еще при живых богах. Поколения ростокских князей что-то пристраивали, перестраивали, надстраивали. Острые двускатные крыши множились. Доходило до того, что в некоторых местах после ливня образовывались озера. В итоге терем, как и любое другое древнее гнездо владык, приобрел свойства лабиринта. Впрочем, жить в светлом тереме я не собирался, а князь прекрасно знал дорогу. Так что я, и не пытаюсь запоминать путь, попросту старался не отставать.

На счастье, далеко идти не пришлось. Нас ждала небольшая гостиная с полудюжиной кресел и круглым, заставленным чайными принадлежностями, столиком.

Принц с княжичем пришли следом, весело обсуждая только что закончившийся пир. И снова, прежде чем усесться и начать разговор, пришлось раскланиваться, словно мы не виделись полчаса назад.

Начал, конечно же князь. По праву старшего.

– Итак, – почему-то печально рассматривая странствующего принца, шевельнул ладонью Вовур. – Его высочество, принц Ратомир, на пути в Росток посетил Великий лес...

Я скривил губы. Я знал то, что хотел сказать повелитель княжества, но не сказал. Чужестранцы без приглашения вошли на мои земли и вышли живыми. По тысячетлетней традиции их жизни принадлежали теперь лесному народу.

– Те, что идут за принцем следом, охотились в моем лесу, – выплюнул я. – Ими был смертельно ранен трехлетний олень. Я шел за животным, но исцелить не успел. Зато повстречал охотников. Двое из троих погибли от моей руки. Третьего победил принц. Они со жрецом путешествовали в Росток. Лес не портили. Зверей не трогали. Право прохода отдали. У лесного народа нет к ним претензий.

Принц все-таки понял. Для владык приграничного государства не важно, молод я или стар. Знатен или нет. Я представлял весь Великий лес, и мое решение Росток исполнил бы безоговорочно.

– Спасибо, – искренне поблагодарил он.

Князь кивнул. Я отказался своим правом решить судьбу пришлого, и Вовур это принял. А что ему оставалось делать? Стрелы лесных охотников острые, как и тысячу лет назад. Сложная у нас была дружба...

– Около двух лет назад, как мы слышали, умер ваш, принц, батюшка. Ведающие люди сказывали – Модуляры должны были под руку сына-наследника отойти. Но вдруг короновали Эковерта. Это, как мы поняли, брат умершего короля?

– Да, ваша светлость, – каким-то безжизненным голосом сказал Ратомир. – Этот человек – мой дядя.

– Как же вышло, что наследник славного королевства бродит по свету, а его родной дядя сидит на троне? – вскинул брови очень похожий на отца Балор.

Я поерзал в излишне глубоком и мягком кресле и под легкую улыбку князя забрался на сиденье с ногами. После двух лет странствий Ратомиру наверняка было что рассказать. Следовало приготовиться слушать длинную повесть...

– Отец погиб на охоте, – вздохнул чужестранец. – Раненый кабан...

Он говорил и говорил. Изредка останавливался, чтоб смочить горло остывшим травяным чаем. И рассказ этот он явно повторял не один раз.

Когда погиб король, принцу было семнадцать. По закону королевства, оставался всего год до совершеннолетия и с ним – до коронации. Временным правителем государства стал брат отца – Эковерт. И все бы ничего, да только в один несчастливый день дядю словно подменили.

Принц был сослан в крепость на границе с Егерскими Дачами – огромным лесом, местом королевской охоты. А дядя начал готовиться к своей коронации.

Дальше – больше. На закон Эковерт просто плюнул. Обзавелся личной гвардией, и все недовольные стали пропадать в подземной тюрьме королевского замка. Правда, одновременно были сильно понижены налоги, начался повсеместный ремонт дорог. Стража в городах действительно стала ловить воров. Разбойничий люд вывели из лесов за пару месяцев. Новый король лично ездил на облавы...

Затем Эковерт занялся соседями. Небольшому независимому графству, что на юг от Модуляр, за рекой, был поставлен ультиматум – добровольное присоединение или завоевание. Гордые горцы надеялись отсидеться в крепостях на высоких утесах. Новый король не стал штурмовать неприступные твердыни. До резкой перемены характера отличавшийся добротой и мягкостью дядя принялся отлавливать и продавать в рабство в Степь жителей непокорной страны. На их место переселяли крестьян из королевства. Когда воины крепостей, страдая от голода, сдались – их развесили на дубах, приколов гвоздями за руки и ноги.

– Искушайте грехи своего народа! – радовался узурпатор, глядя на их муки.

В ночь перед совершеннолетием Ратомира попробовали отравить. Благо, верные старой короне люди еще остались – принц остался жив. Следующую зарю он встретил в седле. Пара баронов с отрядами и жрецом, недовольные новыми порядками, сумели выкрасть его из крепости. Отбиваясь от преследователей, теряя людей и лошадей, принц сумел добраться до северной границы. Он надеялся на помощь в Империи.

– Я жил при дворе императора словно... словно диковинная зверушка, – рычал принц. – Сначала ко мне еще проявляли интерес. Я таскался на аудиенции, совещался с советниками...

Пять месяцев он ждал, пока гигантская машина управления провернется и император начнет собирать воинов. Но дни шли за днями. Придворные дрались за мелкие подачки, и до беглого наследника никому не было дела.

Деньги, собранные баронами, кончались. Из великолепных покоев Ратомир переехал в дешевую таверну. Потом и в келью монастыря. Беседы с иерархами Церкви Вседержителя вселили надежды. Жрецы, казалось, искренне сочувствовали, но дальше слов дело не шло.

Полгода прожив в спящей империи, принц в компании Пареля отправился искать помощи в других странах. Преодолев через Пламенный перевал Белоголовые хребты, странники попали на земли свободных баронов.

Властители малюсеньких клочков земли – часто не более двух-трех деревень вокруг дедовского замка – почитали за честь принять у себя наследного принца. Клялись в вечной дружбе, но...

– Но десяток латников и сотня вооруженных сервов – это максимум, что мог собрать даже самый воинственный из них. А до меня доходили известия, что дядя держит в казармах более пяти тысяч воинов.

Медленно пересекая сотни порой спорных границ, Ратомир добрался до Эмберхарта – огромного торгового города на берегу Великой реки. Тамошний престарелый барон, сам уже давно променявший честь на золото, едва не продал гостя преследующим того «послам». Принцу ничего не оставалось, как перейти мост. Так он оказался в Орейских княжествах.

– Барон Флер за кубком доброго вина, – усмехнулся наследник без короны, – как-то сказал: «Идите, друг мой, к орейцам. Если у кого еще и осталась Правда в сердцах, так это у них! Да и воины они добрые».

В орейском Чудске странников, посчитав за шпионов, бросили в темницу. Комендант так и не смог поверить, что чужеземный принц может пешком пересечь мост и без свиты, словно бродяга, прийти в крепость. Отпустили их, только когда через реку переправилось то самое «посольство». Пожилой воевода посмеялся над требованиями выдать беглого наследника, извинился перед принцем и выписал подорожную.

– Орейские земли – чудесное место, – разулыбался Ратомир. – Почти сказочное! В первом же городе, в Камне, князь прямо заявил: мол, я бы дал тебе сотню-другую латных конников на святое дело, кабы Микитой, князь Малого Скола, дал столько ж тяжелой пехоты.

Из Малого Скола принца отправили в Велиград, за мечниками. Оттуда в Арград за легкой конницей... Там, на границе с Белой степью, странники перезимовали. Принц жил в тереме князя, участвовал в отражении набега степняков и даже отличился в бою. Дамир, князь Арграда, уговаривал забыть о журавле в небе, жениться на его племяннице да и остаться жить у него.

Ранней весной, еще по талому снегу, отправились в Дубровицы. Просить копейщиков.

– Как-то... князь Уралан хихикнул, – Ратомир неопределенно крутанул кистью, – странно... Но отправил в Росток, за лучниками. Сказал: уж коли вернешься с мастерами Ветра, будет тебе и мой отряд в помощь...

Принц примолк. Мы все знали – не все чужестранец поведал. Не все невзгоды описал. Не хотел жалости к себе.

– Вот, княже, и все, – развел руками принц. – Скажи теперь ты, каких войск от меня ждешь? Пойду дальше правду искать.

Вовур лишь тяжело вздохнул.

– На юге и на востоке – Великий лес. Там ты уже был. На западе – Белая степь. С севера ты пришел. Некуда мне больше тебя посылать...

А вот тут принц искренне удивился.

– Только вот с мастерами Ветра в Ростке нынче тяжело, – князь, похоже, веселился, не уставая наблюдать за реакцией странника. – Всего-то нынче в городе один и есть...

– Это значит, вы сказали – нет?!

– Это значит: надо думать! – улыбался Вовур. – Завтра вот послы от сродственника твоего в Росток придут. Послушаем, что они скажут...

– С мастером, опять же, нужно посоветоваться, – подхватил Балор, порозовев от желания рассмеяться.

– Праздник Ветра скоро, – как ни в чем не бывало, продолжил князь. – Турнир лучников... Посмотришь, может, и без мастера доволен будешь... А мы пока покумекаем, посоветуемся... И не бойсь, ты не в империи. Полгода муржить не станем.

Дальше разговоры разговаривать мне стало неинтересно. Тихонько выбрался из кресла, кивнул высокородным и ушел. Мне тоже нужно было подумать.

6

В казармах было душно и тесно. Только что с постов вернулась вечерняя смена, и мужики торопливо скидывали доспехи – на столе парили тарелки с ужином.

– Доброй ночи, – вежливо поздоровался я.

Воины замерли. Если бы в длинный, заставленный лежанками сарай ввалился говорящий медведь, они удивились бы меньше.

– Не могли бы вы одолжить мне лук и десяток стрел с пробоями?

– Здорово, коли не шутишь, – очнулся один из дружинников. И хмыкнул: – Как же это? Лесной и без лука?

– Мне боевой нужен. Мой-то лук для зверя...

– На войну собираешься? – буркнул кто-то из-за спин товарищей.

Вот ведь как. Больше тысячи лет прошло, как Старый Белый штурмовал Росток, а к нам все еще с подозрением относятся. Я пожал плечами. Можно было обойтись и без лука, но почему-то от одной этой мысли сердце тревожно сжималось.

– Ну, надо, так надо, – примиряюще выдохнул самый пожилой. Без брони и не скажешь – может быть, старшина.

На широкую лавку легли с дюжину могучих круторогих оружий.

– Чей выберешь – на ветер нашепчешь?

– Конечно, – серьезно пообещал я. Как же иначе?

И принялся выбирать.

Штук пять делал один мастер. Среднего качества, ничего особенного. Пару я и луками бы не назвал. Деревяшки. Зря убитые деревья, и одевать это тетивой – смертельно опасная забава. Их я отложил в сторону.

Потом нашлись еще три, сделанные одними руками. Не теми, что первые пять. Два из них были хороши. Третий – весьма хорош.

– Кто это делал? – поинтересовался я, не торопясь выпускать плечистого молодца из рук. Уже решил – даже если взять его на время мне не позволят – он достоин руны.

– Ну, я.

Вот уж не ожидал. Неведомым мастером оказался молоденький отрок с едва пробивающимися волосиками под носом.

– Молодец, спасибо, – я дождался, когда парень выйдет вперед, и с удовольствием ему поклонился. – Завтра найди меня, покажу, как сделать еще лучше.

Парень кивнул и, не сдержавшись, широко улыбнулся.

– Да чего уж, Инчута, – обрадовался старшина. – И стрелы свои покажь!

В свои палаты я вернулся с неплохим луком и полным тулом достойных стрел...

Балор застал меня за разглядыванием клинка подаренного принцем меча.

– На войну собираешься? – не стал оригинальничать наследник Ростока.

Князь, медведем прокосолавив из-за спины сына, уселся на лавку рядом и тяжело ухнув, положил ладони на колени.

– Уморился я что-то, – хрипло поделился он. – Слишком много... всего.

– Хочешь взглянуть на посольство, – кивнул своей догадке княжич. – Зря. Туда ночью отправятся наши люди. Проводят... Посмотрят. Послушают. Доложат.

Я хмыкнул.

– Устал от города, хочу пробежаться по лесу.

– Эти бурундуки совсем... одичали, – горестно вздохнул князь. – На людей кидаются. Давно пора взять меч и покончить с гадкими тварями...

Пришлось пожать плечами. Меч и правда брать с собой было бы глупо. Тем более что он был мне великоват.

– Надо бы к кузнецу заглянуть, – пряча сталь в ножны, поделился я. – Пусть поправит под меня.

– После сказа принца ненашенского на подвиги потянуло? – с кряхтением разгибая ноги и не глядя на меня, поинтересовался Вовур. – Да, непрост он. И повесть та – в корень глянуть тянет... Что-то уж больно шустрый вдруг дядька принцев сделался...

– Угу, – княжич, к тому времени уже завалившийся с удобством на моей постели, с готовностью поддакнул. – И время-то какое, оборотень поганый, выбрал! Прямо как искра в Следе сама собой затлела, так и перекинулся...

Демоны! И ведь Парель клялся, что небывалый урожай тогда же в Модулярском королевстве случился, а такое только при живых богах бывало! То-то властелин ростокский сразу Ратомирову надежду не прикончил.

Где те пресловутые Модуляры? А где княжества Орейские! По сути-то нет и не может быть здесь никакого дела до междоусобиц в королевстве с берега Лыдистого моря. И пусть принца жаль, пусть проделал он путь, полный невзгод, предательств и приключений. Да только зря. Своей земли у князей полно, свои беды и невзгоды тут растут, от своих врагов отбиться бы.

Потому и предлагал Дамир, князь Аргарда, хорошему воину и наверняка неплохому человеку, породниться и остаться. И любой из владык орейских – то же самое предложить рад был бы...

Но пламенеющая искра в древнем камне могла все это сделать мелким и не важным.

– Думаешь, кто-то из Спящих проснулся? – я улыбнулся, но весело мне не было.

– Да-а-а, дела-а-а, – качнул крупной седой головой князь.

– Только мнится мне, – скривился княжич, – что то ли голова у пробудившегося прохудилась, то ли кошмар последним сном приснился...

– Искру-то давно смотрели? Может, и другие зажглись? – спросил я с надеждой.

– Сторожим постоянно, – отмахнулся Вовур. – Так одна-одинешенька и есть. И тлеет не особо. Словно и не божья она, а... прихвостня какого.

– В лесу и того меньше огонек, – поделился я. – Только в ночи и видно.

– Да-а-а, – очень похоже на отца протянул Балор.

Я принялся переворачивать стрелы в колчане наконечниками вверх.

– Послушать нужно, что за слово послы принесли, – хлопнул лопатами ладоней по лавке старый князь. – Какие холопы – такие и господа. Принц-то наш тож не белый барашек. Может, в чем другом обида евойная... Да и ты, молодой Белый, к Тырышкину Логу-то сбегай, коли сил немеряно. Глянь лесным глазом. Верю я, Правду да Кривду ваших мальцов с сопливых лет отличать учат.

– Я скажу, чтоб выпустили да впустили потом, – вскинулся наследник.

– А и скажи, – склонил лоб Вовур. – И пусть коней седланными держат покуда. Всяко бывает, может, пара десятков воев в нужде пригодятся...

– Ни к чему это, – поморщился я. К демонам летели все мои планы по осторожной разведке. – Тихо уйду и вернусь. Чем меньше людей знает, тем меньше болтать будут.

– Тоже верно, – крикнул князь. – Но впустить и выпустить – пара надежных гридней смогут. Из тех, кто язык за зубами держать приучен.

Мне было все равно. Всеми мыслями, всей душой я был уже в лесу. И так мне хотелось действительно там оказаться, что готов был вытерпеть и парад всей дружины Ростока с фанфарами и полковыми барабанами. Лишь бы быстрее...

Жаль, ругаться не умею. В лесу-то такие слова знать – дело лишнее, а вот горожане такую вязь выплетают, даже завидно. И даже смысл почти всех слов понимаю, но так их умело в косы сплетать – это искусство! Мне недоступное искусство, а то паре бестолочей, лязгавших железом по спящим улицам, я б про ночные пристрастия их близких родственников рассказал бы. Благо, хоть факелы догадались потушить.

Калитка в городских воротах пела несмазанными петлями голосом мартовских котов. Покрытые металлом провожатые радостно выматерили привратную стражу, выпустили нас с соловушкой и наверняка заторопились в караулку – продолжить воспитание личного состава.

Лошадка отдохнула. И привыкла, что бег больше не приносит боли.

Как я и думал, шла она ровной иноходью, и клочья пара рванными лоскутами мигом терялись в клубах пыли за спиной. Дорога серебром изморози на обочинах сверкала в свете Звездного Пути. И, как всякий истинный путь, с каждой секундой все больше приближала к цели моей ночной прогулки.

В половине версты от Дальней Вехи спешился. Соловая лошадка осталась хрустеть молодой травкой на опушке, а я скользнул в чашу. И был счастлив, обняв первую же березу, поздравиться с Лесом. Хотелось отряхнуться от городской пыли, как псы отряхивают воду с шерсти...

Все-таки лук был слегка тяжеловат. И длиннее на четыре пальца, чем сделал бы себе сам. Ушки под тетиву были странной полукруглой формы. Только вырезанная еще в детинце руна на рукояти привычно кольнула в ладонь, стоило привести оружие в смертельно опасное состо-

яние. И ветер – мой легконогий братик – приветливо шевелил податливые ветви печальной березы, пока я натягивал перчатки и вдевал пальцы в боевые кольца.

Мой лес, мой дом был мне рад. Я скользил от ствола к стволу, от куста к кусту, и ветви с молоденькими листиками нежно ласкали щеки. Мелкая сова, прервав бесшумный полет, усе-лась на сук, чтоб меня поприветствовать. Барсук хрюкнул мне в спину, обидевшись, что пере-прыгнул его нору.

Сквозь редкие на опушке деревья я уже видел костры лагеря пришельцев. Казалось, могу пробежать у крайних шатров, и чужаки – такие же горожане, как и принц, – даже не посмотрят в мою сторону...

Посольский бивак был хорошо освещен. Между лесом и рядами палаток горело несколько костров так, что мне сидящих парами возле них людей было отлично видно. А вот для их глаз я в темном лесу на фоне тьмы был совершенно недосягаем.

Из-за огня, из темноты вышел еще один часовой. Расслабленной походкой, чуть придер-живая болтающиеся ножны с коротким мечом, он брел от одного костра к другому, лишь на пару секунд задерживаясь возле каждого. Блеснуло несколько улыбок, сторожа задвигались. А потом, практически одновременно, все они встали и пошагали прямо на меня. Никто из них не вытаскивал оружия и не торопился, но по спине у меня пробежала струйка холодного пота. Я не мог понять – чего они задумали.

Наконец, когда до кромки леса им оставалось шагов десять, я не выдержал. Нет, мне и в голову не пришло сорваться с места, словно испуганная лань. Я медленно, дыша размеренно и тихо, отделился от тени толстой березы и переместился на три сажени в сумрак куста черемухи. Сердце билось, как у кролика в силке, но был абсолютно уверен – они пройдут в одном шаге и не смогут меня увидеть...

– А ты хорош, – тихонько кто-то проговорил прямо у меня над ухом. – Клянусь портян-ками Басы, если бы ты не двигался, я б тебя не нашел...

Я даже дышать перестал. Голос звучал рядом. Очень рядом, но я не чувял запах чужака, не слышал его дыхания, стука его сердца. Я не поверил, что он рядом.

Медленно, так медленно, что даже летняя улитка меня бы обогнала, стал поворачиваться в сторону голоса. И тут почувствовал, как что-то невероятно холодное и ужасающе острое коснулось шеи под левым ухом.

– Медленно встань, малыш, и я уберу нож, – почти доброжелательно приказал чужак.

Что мне оставалось делать? Начал привставать. Краем глаза я уже почти видел его...

И тут в глазах потемнело. Я даже сначала не понял, что меня ударили. Демоны! Как же больно, когда бьют в живот! Передо мной заплесали искорки, и мир вокруг поплыл. Второй удар, теперь уже в челюсть, воспринимался уже как милосердие...

Поперек столба, поддерживающего высокий полог, видимо, командирской палатки, была приделана жердь. К концам этой штуки, за большие пальцы, тонким шнурком – на ощупь, как тетива, – был привязан я. Так привязан, что мог только либо висеть, либо стоять на цыпочках. Челюсть саднила, ныли перетянутые веревками руки, болел отбитый живот.

Блеснув звездами в ночном небе, откинулся полог, и в шатер скользнул мой лесной незна-комец. Я сразу понял – он. Походку привыкшего красться по мягкой коварной перине из мха и листвы не спутаешь с движениями сугубо городского жителя. А так – ничего необычного. Средний человек, в обычной одежде, с обычным тесаком на бедре. И с моим луком в руках.

Следопыт аккуратно пристроил мое оружие на небольшой походный столик и уселся рядом. Минуту внимательно рассматривал меня, давая возможность разглядеть его. Потом криво усмехнулся и выговорил:

– Ты и правда – хорош. Не хотел бы я повстречаться с твоим старшим братом на узкой тропке...

Настала моя очередь хмыкать. Посвящать незнакомца в страшную тайну, что братьев у меня нет, я не стал.

– Двигался ты отлично, – принявшись тщательно изучать лук, теперь не поднимая глаз, продолжил он. – Но охотник из тебя никакой... Попался, словно глупый заяц...

Я снова промолчал. И чего говорить? Он был прав. Попался я глупо.

– Неплохо, – удовлетворенно кивнул сам себе чужак, откладывая оружие. – Хотя что-то в этом варварском краю не разучились делать хорошо.

Я бы пожал плечами, но стоять на носочках было трудно и неудобно. Икры ног начинало сводить от напряжения, а висеть на вывернутых руках уже просто больно.

– Знаешь, – блеснув глазами, с деланным равнодушием, проговорил человек. – Ты меня удивил. Пока ты не попался, я даже тебя... опасался.

Он лгал. Пока я не попался, этот лесной хищник меня боялся. Потому и бил так, чтоб было больно, а не чтобы лишить возможности сопротивляться. Именно этой его искренности я и испугался. Я не мог понять – что этот страшный человек будет делать со мной дальше.

– Им, – он махнул куда-то себе за плечо и снова скривился, – хочется у тебя кое-что узнать. Они не слишком-то поверили мне, когда рассказал о глупом любопытном мальчишке из селения на краю леса... Просто... мой командир – вообще не слишком доверчив...

Лесовик подушечками пальцев провел по руне ветра на рукоятке оружия. Замер. Провел еще раз и мельком взглянул на меня так, словно только что увидел первый раз.

– М-да, – словно нехотя убрал руку от лука и потер пальцами виски. – Он хочет ответов и намерен их получить... И он не любит, когда ему лгут.

Сердце тревожно сжалось. Лесному народу нечасто доводилось встречаться с лазутчиками врагов. Но мои предки все-таки умели добиваться правдивых ответов. Как именно они этого добивались, я очень хорошо себе представлял.

Чужак легко вскочил и вышел из палатки. Через минуту вернулся в сопровождении двух хмурых воинов. Снова сел на свой стульчик и продолжил:

– Они станут тебя бить...

Неожиданно твердый кулак одного из хмурых пребольно врезался в живот. Я думал – тот удар в лесу – верх боли. Я ошибался.

– И бить...

Второй, зашедший мне за спину, саданул по почкам. От боли, от неожиданности, от полного мочевого пузыря – я почувствовал, как по бедрам потекла теплая жидкость. И это была не кровь.

Только не закричать! Я до хруста сжал зубы. Если бы взглядом можно было убивать, в шатре стало бы на три трупа больше... Ненависть, вспыхнувшая во мне, как ни странно, позволила легче пережить следующие побои.

Следопыт усмехнулся, глядя на мой позор, и почти равнодушно сказал:

– Они позабавятся еще немного. А потом я приглашу сюда командира Сократора. Пока ты станешь правдиво отвечать на его вопросы, бить тебя не станут. Я понятно объяснил?

Первый, скалясь, очередной раз въехал по печени и поднял мою голову за волосы.

– Ты понял? – любезно прошипел сзади второй.

– Вы все сдохнете, – геройски прохрипел я и тут же получил еще. Ярость спасала плохо. Страх и боль вырвали стон из-за разбитых губ.

– Значит, в лесу все-таки сидит старший брат, – засмеялся следопыт. – Продолжайте...

Возле поселка моего отца Крушинка обзавелась омутом. Детьми, когда летняя жара выгоняла нас из окрестных лесов, мы прыгали в него с ветвей склоняющихся к реке деревьев. Пробивали ногами поверхность и вниз до самого дна. И темная лесная вода забивала нос, пряталась в ушах и щекотала веки...

Я вынырнул, натужно вздохнул и разлепил глаза.

– Скоты, не смейте портить мне шатер, – взревел четвертый мой ночной гость.
– Простите, командир, – смиренно склонил голову второй и бросил под ноги опустевшее ведро.

– Он заговорил? – властно спросил командир вытянувшегося у полога шатра главного моего мучителя.

– Ждем вас, – неопределенно, глядя куда-то над плечом огромного увешанного железом воина, выдохнул тот.

– Обязательно было доводить его... – Сократор кивнул на мои штаны.

– Ругался, – радостно улыбаясь, выпалил первый.

– Кретины! – почти натурально огорчился предводитель. – Вот как теперь я покажу его Мирославу?

Покачав головой, здоровяк подошел ко мне и сложил руки на груди.

– Малыш ты как?

Мне было плохо. Все тело болело. Но пока этот прикидывался добрым, меня не били. Одно это уже примиряло меня с его существованием.

– Как твое имя?

– Арч, – свернувшаяся кровь слепила губы, так что речь вышла не особо внятной.

– Что он сказал, быдло? – рявкнул бугай на второго.

– Кажется, его зовут Арх, командир.

– Что ты делал в лесу, Арх?

– Смотрел на лагерь, – снова признался я.

– Зачем?

– Мне было любопытно.

Лесовик слегка улыбнулся и опустил глаза в пол.

– Почему ты был вооружен?

– В этом лесу не ходят без оружия.

– Чем же так опасен этот лес?

– Хозяева леса не любят чужих.

Я не солгал ни разу. Но Сократор почувствовал недосказанность.

– Ты живешь в этой деревне? Скажи, кто из жителей твои родственники? Кто тебя может узнать?

– Я приехал из Ростока.

Воин повернулся ко мне спиной и обменялся взглядами со следопытом.

– Он не хочет говорить правду, – неожиданно зло выдохнул командир. – Продолжайте.

Любопытный ветерок лишь слабо шевельнул волосы, когда здоровяк вышел.

Следопыт взмахом руки остановил замахнувшихся было палачей.

– Идите отдыхать, – жестко приказал он. – Утром мы снимаем лагерь. И пришлите себе замену.

Истязатели торопливо выскочили на улицу, а следопыт вытащил из сапога мой нож и скользнул ко мне.

– Теперь Сократор меня не поймет. А мне это совсем не нравится. Клянусь Всеблагим, ты мне за это ответишь!

Он поддел застёжки моей рубашки на животе и неторопливо повел остро отточенное лезвие к шее. Ветер открывающегося полога шатра заставил трепетать пламя факелов – вошел новый палач. Но чужак и не думал отвлекаться. Нож легко взрезал кожу на моей груди. Черта за чертой – кровь тонкими струйками сбегала мне на штаны.

Наконец, он положил ладонь на мою изрезанную грудь, резко придавил и провернул руку. Чудовищная, неудержимая, словно лавина, волна боли третий раз за ночь вышвырнула мое сознание из покинутого богами мира.

Очнулся от жажды. Купола провощенной ткани надо мной уже не было, и ласковое весеннее солнце всю жарило исходящую паром землю. Влажный ветер от леса силился помочь, да только ничего у него не выходило.

Рук я уже не чувствовал. Губы окончательно слиплись, и при малейшей попытке их раздвинуть голову простреливало болью. На груди – сплошная корка запекшейся крови... И пахло от меня так, словно ночь провел в выгребной яме, а не в шатре командира посольской охраны.

От лагеря остались лишь вкопанные жерди – опоры для палаток да черные пятна кострищ. Дружинники седлали лошадей.

– Воды, – собрав остатки сил, зажмурившись от вспышки в глазах, выкрикнул я.

Некоторые проходили совсем рядом, косились на меня, и ни один не потянулся за флягой.

– Воды!

Один из прохожих хмыкнул, подошел и, секунду повозившись с гульфиком, помочился мне на сапоги.

– На тебе водицы, заморыш, – с совершенно счастливой мордой выдохнул он мне в лицо. – Смотри не захлебнись.

Часть охранников уже сидела на лошадях. Слуги складывали мешки с припасами на телеги. Отряд готовился выступить.

На невысокой, необычайно лохматой лошадке подъехал следопыт. Долго смотрел на меня, прикрывшись от солнца. Потом вытащил наполненный жидкостью кожаный мешок из седельной сумки и сунул горлышко мне между губ. В рот полилась слегка подсоленная студеная вода.

– Ты случайно не родственник ростокскому князю? – шурясь, спросил лесовик, убирая бурдюк на место.

– Нет, – дергать головой было больно. Пришлось говорить.

– Жаль.

Коняшка вяло обмахивалась длинным неопрятным хвостом от первых проснувшихся мух и переступала с ноги на ногу. Следопыт выпрямился в седле и, сложив руки на груди, смотрел куда-то вдаль, над головами суетящихся слуг.

– Жа-а-аль, – протянул он еще раз. – Знатный был бы повод...

Воины построились двумя колоннами. Телеги начали выкатываться на дорогу между ними.

– Что-то твой старший брат запаздывает.

– У меня нет братьев.

– Жаль, – резко выдохнул он и подобрал узду. – Ну, тогда – прощай, человечек из леса.

Задорно гикнув, следопыт сорвал лохматого конька с места. По широкой дуге он объехал готовый к маршу отряд и скрылся на опушке леса. Пыль, поднятая его рывком, еще не успела осесть, как подъехал Сократор в сопровождении пары хорошо знакомых мне палачей. Спустя минуту к ним присоединился четвертый – нарядно разодетый мужик на тонконогой, нервной кобылке.

– Это и есть ваш лазутчик? – брезгливо поморщившись, процедил он.

– Да, Мирослав. Лонгнаф поймал его в лесу у самого лагеря. Малец говорит – пришел из Ростока взглянуть на чужеземцев.

– Далековато завело паренька его любопытство, – засмеялся посол.

– Это точно, – искренне поддержал Сократор и нагнулся ко мне. – Ничего не хочешь добавить, малыш? Что-нибудь такое, из-за чего я должен был бы сохранить тебе жизнь...

Мое тело нашли бы через час. Через три часа о моей смерти узнал бы Вовур. К вечеру отряд, прошедший тысячи верст от Модуляр до Ростока, уже хоронили бы на опушке Великого леса. Ибо в противном случае через трое суток мои родичи там же хоронили бы Вовура. Было

ли мне что сказать этому большому и сильному человеку? Поверил бы этот, закаленный битвами и путешествиями воин связанному шуплому парнишке в обмоченных штанах?

– Если хочешь встретить завтрашнее утро, ты меня отпустишь, – прохрипел я. И понял – не поверит. Неожиданно сильно захотелось жить.

Я изо всех сил сжал зубы. Чтобы предатель язык не вздумал молить о пощаде.

– Отнесите его в лес, – вяло махнул рукой посол. – Прибейте гвоздями к дереву потолще...

– О! Мирослав! – громко засмеялся командир. – Как там Владыка говаривал в старые добрые времена? «Искупайте грехи своего народа»! Вот и пусть искупит...

– Да здравствует король Эковерт! – дружно гаркнули дружинники.

Палачи, радостно улыбаясь, поспешили снять меня с жерди. Конечно, нежностью их руки не отличались, и конечно, им показалось забавным несколько раз пнуть меня по дороге...

Я не помню короткий путь к лесу. Наверное, я падал. Наверное, меня били. Может быть, кто-то из них возвращался к деревне – вряд ли дружинники носят в поклаже гвозди.

Я не помню, как мои ладони прибывали к толстой березе.

Я не знаю, как долго я провисел.

Я тонул в пучине беспросветного ужаса и боли. И единственное, о чем я молил подлых ушедших в спячку богов – дать мне силы, чтобы не орать и не выпрашивать у врага жизнь. Чтобы сохранить последнее и самое главное, что оставалось у меня, – честь.

7

Лошадь мягкими губами тыкалась мне в щеку. Сквозь мутную пелену в глазах соловушка показалась мне неведомым чудовищем, вроде драконов из детских сказок. Но страха я почему-то не испытывал. И боли в пробитых железом руках не чувствовал. Капающий с мизинцев березовый сок, тепло живой бересты за спиной, шелест ветра в нитях плачущих веток. Мой крылатый ветряный друг, воздушными перышками щекочущий тело в прорехах одежды. Странное покалывание на груди. В том месте, где следопыт по имени Лонгнаф резал мою кожу на лоскутки... И необычайная легкость во всем теле. Вот только в глазах какая-то муть.

И я сам себе не поверил, когда сквозь розовое марево разглядел вернувшихся к дереву палачей.

– Слава Басре, малец вроде жив еще, – поскуливал первый.

– Надо ему морду оттереть – в гроб краше кладут, – суеился второй.

– Смотри, он кровью плачет...

– Убери хлебало, скотина безмозглая! Видишь, снимаем хозяина твоего...

– Дай ему воды, вдруг ему сказать чего-нибудь нужно будет...

– Он вообще не моргает?

– Руки-то, руки ему тряпицей перемотай...

– Все! Садим... Тпрууу, тварь, а то продам!

Мир качнулся, и я оказался в седле соловой лошадки. Я улыбнулся. И продолжал улыбаться всю дорогу до самых ворот Ростока.

Сотни четыре тяжело бронированных дружинников с ростовыми щитами в плотном строю перегородили дорогу. За их спинами приготовились лучники, бегали мальчишки со связками стрел. Второй отряд стрелков поджидал на стене. Конница гарцевала чуть в отдалении – почти у Княжьих ворот. И весь этот парад ради чужеземного посольства – ради кучки растерянно озирающихся воинов, закрывших щитами командира и посла.

Но первым встретил нас все-таки Лонгнаф. На своей низкорослой кобылке вынырнул из зарослей черемухи на опушке и вдруг, в одну секунду, оказался рядом.

– Жив паренек из леса, – кивнул сам себе следопыт. И засмеялся. – А старший брат все-таки есть!

Я не успел ответить. Лохматая лошадь лесовика снова рванула с места в сторону посольской охраны. И вовремя. Ростокская кавалерия с Балором во главе уже летела ко мне. Палачи, не прощаясь, повернули лошадей и заторопились за спины модулярцев. Так что наследника я встретил уже в одиночестве.

– Жив?! – заорал княжич. – Клянусь подушкой Спящих! Жив!

А я, вдыхая пыль, поднятую сотнями коней, мечтал умереть.

Почти полтора десятка столетий, со времен Старого Белого, орейские княжества любили своих спасителей из леса. И больше тысячи лет они же ненавидели своих завоевателей – лесной народ. Годы и годы балансировали два народа на острие клинка – уже не умея жить друг без друга и накапливая взаимные обиды. Сколько раз только угроза острых стрел из чащи мешала разрозненным княжествам объединиться в одно государство?! Сколько раз белоголовые лесовики собирали отряды по городам, чтоб дать отпор иноземному вторжению?! Мы ссорили и мирили князей, наказывали забывших Правду и поощряли ее защитников. Нас благодарили и боялись. Пока однажды юный лучник не отправился поглазеть на чужаков на опушке...

Да! Воины Старого Белого прекратили голод и болезни. Но теперь дружина князя Вовура вернула долг – спасла от лютой смерти младшего сына князя лесного народа. Росток вернул долг. Останется лишь вторая сторона монеты – длинные стрелы в лесу.

Если бы Сократор внял моим угрозам и отпустил глупого парнишку подобру-поздорову, этим бы все и кончилось. Ну, нашли бы в выгребной яме пару потерявшихся палачей с перерезанным горлом. Поняли бы – лесной народ держит слово. И все.

Если бы я умер, прибитый сталью к дереву, Вовур спокойно перебил бы пришельцев и продолжил искать шаткое равновесие с моим отцом.

Но случилось самое ужасное – князь меня спас. И этим вернул орейский долг. А чужаки теперь гости. Их и пальцем тронуть нельзя, пока не покинули границы княжества.

И все испортил глупый мальчишка с непомерным любопытством.

– Держись, Арч! – разглядев заляпанную кровью одежду, воскликнул Балор. – Сейчас мы им вломим!

– Стой!

– Что?! Ты держись! Тебя проводят в детинец.

Грохот сотен лошадиных копыт отдавался багровыми пятнами в глазах.

– Оставь их, – как мог громко выговорил я. – Их сейчас нельзя...

Княжич резко осадил коня и подъехал стремя в стремя.

– Не по Правде это – послов побивать...

– Как скажешь, – скривился наследник, привстал на стременах и заорал, перекрывая шум мельтешащего вокруг войска:

– В город! Атаки не будет!

Конный полк стремительно построился в походную колонну и рысью потянулся в сторону ворот. Чуть в стороне поехали мы с Балором.

– Мы можем потребовать с них личную виру, – наконец, кивнул своим мыслям княжич. И заглянул мне в глаза в поисках согласия. Пришлось остановить соловушку. Говорить, подпрыгивая в седле, сил не хватало.

– Они все умрут, – тихо сказал я. – Все до единого. Но не здесь. И не сейчас.

– Отлично, – нервно засмеялся мой собеседник. – Поспешу к отцу рассказать, как все прошло...

Наследник ускакал, а узду моей лошади поспешил взять молодой воин. Так, болтаясь в седле, как мешок с репой, впервые за сотни лет сын Леса въехал в Росток через Купеческие ворота. Мне еще предстояло искупить грехи своего народа...

Нечасто вооруженные до зубов воины целыми полками бегают по пыльным улицам княжеской столицы. Очень редко дружинники надевают полный доспех и с грохотом камнепада топчут мостовую подкованными башмаками. Погруженные на возы связки стрел вообще никогда не покидали арсенал. С главной башни детинца не надрывался набат. Это не война!

Ростокцам никто ничего не объяснял. Но отчего тогда толпы горожан жались к раскрашенным стенам домов? И отчего передо мной шепотом, шумом ветра, шелестом листьев несло слово моего позора – жив!

– Слава Спящим – жив, парнишка!

Я не видел лица идущего впереди и ведущего мою лошадь отрока. Чувствовал – он улыбается. И от этого кровь покинула мои щеки. Я боялся шевелиться.

– Бледненький-то какой!

– Не бойсь. Главное – жив. Живица нарастет – порозовеет! А уж вои наши там, за стеной, расстараятся. Пущай все знают, как в Орее долги возвращают!

Мне хотелось убежать и спрятаться на дне озера. У глупых пучеглазых рыб! Только они не смогут рассказать о моем позоре. Лишь они не видели, как изжеванного чужеземными хищниками, окровавленного, воняющего мочой бельчонка везут в княжий терем.

Только и это было еще не все. Спящие не оставили мне ни шанса. На сигнальной башне столбом дыма в бирюзовое небо горел костер! Еще до наступления ночи ближайший к Росток уотряд лесных охотников зайдет в город – узнать, что случилось. Через три-четыре дня о потертанном орейском долге узнают отец и старейшины. И, конечно же, ничего мне не скажут...

Я сидел в седле прямо, как на троне. Смотрел только прямо перед собой. И мышцы лица свело в попытке сжать губы еще больше. Так и въехал в широко распахнутые ворота детинца.

Балор, торопясь к Купеческим воротам, чуть мне кивнул и улыбнулся. Я не ответил. У меня не было поводов для радости.

Что-то ревел больше обычного похожий на медведя князь. Тискал огромными твердыми лапами мои плечи и заглядывал в глаза. Он тоже был рад, хотя я не понимал, чему. Уж ему ли не знать – друзьям-врагам уплачено за добро, кто заплатит за зло?

– ...Твой-то принц – каков молодец! В одиночку тебя спасать кидался. Насилу удержали!

Лучше бы меня Ратомир с дерева снял, чем все войско ростокское. Уж модулярцу-то я бы долг вернул с легкостью. Что ж ты, князь...

Снова бурчащий себе под нос Велизарий, неожиданно ловко вынырнув из-за спины Вовура, сгреб меня в охапку и бегом понес в гостевые палаты. И я, покачиваясь на его мощных руках, впервые с рассвета позволил себе расслабиться.

Позволил себя раздеть. Чувствовал, как здоровяк, едва касаясь, протирает раны на руках и груди скишим вином, и не стыдился стонать, и не сдерживал слезы. Потом, отмокая в здровенном ушатe с теплой водой, чуть не уснул.

Из полудремы меня выдернул все тот же Велизарий. Обнаружив давно остывшую воду, дворовый отнес меня в постель, перебинтовал вываренными тряпицами руки, укутал в одеяло.

– Во-о-от и хорошо, – приговаривал он. – Вот и ладно. Косточки вроде целыми сохранились, а мясо зарастет скоро. Вот и поспи. Тебе отдыхать надо. Опосля пойдешь ворогов своих застрелишь или зарежешь, все одно...

И сел на лавку пришивать вырезанные Лонгнафом завязки на одежду. А у меня вдруг и сон ушел из глаз. Я всерьез задумался о долге крови, и госпожа Фантазия любезно помогала представить...

Вот я медленно режу глотку первому из палачей. Это просто – сотни раз именно так я приканчивал раненых животных. Полукруг рукой, и главное сильно не давить в середине, чтоб лезвие не застряло в позвоночнике... Кровь фонтаном хлещет из разрезанных артерий, и визг умирающего постепенно переходит в предсмертный хрип.

Демоны! Как же мне было хорошо! Я бы зарычал от удовольствия, если б не боялся привлечь ненужного внимания своей сиделки...

Вот второй с перерезанными связками на руках и ногах, извиваясь, ползет по лесному мху. За ним остается кровавая тропинка, но пара волков, тихонько трусящих следом, не обращают на нее внимания. Глумливый палач поминутно оглядывается на хищников и пытается двигаться быстрее. Понимает, что на кончиках клыков поблескивает его неминуемая смерть, и начинает пищать от ужаса. Волкам это нравится – они молоды и любят играть...

Мало! Голову пронзила боль от сжатых до белизны пальцев кулаков. Я рвать его готов был голыми руками! Зубами грызть...

Вот Сократор стоит у дерева. В его руках меч, на губах самоуверенная улыбка. Он знает – я где-то рядом. Только не видит. Оперенное жало срывается с лука и прищипливает руку твари к толстой березе. Громадине больно, он пытается выдернуть глубоко засевший наконечник, и тут новая стрела прибывает вторую ладонь к первой. Теперь ему страшно. Теперь он начал сомневаться. Он рычит и зубами вцепляется в древко. Я простреливаю его щеки насквозь – сталь срезает поганый язык, и окровавленный кусок мяса вываливается на траву. Командир пытается говорить, но в весенней песне оленей больше смысла. Странно. Почему он не находит слов в свое оправдание?

Ага! И еще взять бы кузнечный молот и бить гадину, и смеяться после каждой из сотни сломанных костей...

Поляна в бору завалена трупами. Жирные мухи нагло ползают по мертвым губам – им больше ни к чему глоток воды. Изломанные, избитые, иссеченные люди в доспехах свиты модулярского посла. Вороны, господами расхаживающие между грозных когда-то воинов, ошалевшие от обилия пищи. Лис, нервно теребящий руку павшего дружинника. Сотни тел на поживу лесным трупоедам...

Это зрелище достойно пира. Нет ничего лучше, чем жареное мясо и вид поверженных врагов! Сердце билось погребальным барабаном...

Вот посол Мирослав ползает на коленях, пачкая дорогие штаны хвоей и мышинным дерьмом. Он умоляет о пощаде, поминутно сглатывая струящуюся ручейком кровь из срезанного носа. Руки блестящего господина прижаты к дыркам по бокам головы – там, где раньше были аристократические уши. У надменного чужеземца еще много выступающих частей тела. Ему обещано – он лишится их всех. Искушение грехов...

Этот индюк вызывал омерзение и скуку. Я зевнул. Переживания этой твари, даже у смерти на краю, были мелочны и ничтожны. Быстрый конец – чтоб не тратить время на пустяки...

Вот я прижал нож к мочке уха Лонгнафа...

Фантазия – капризная девушка. И почему-то для следопыта подходящей казни у нее не нашлось. Только изрезанная им грудь засвербила, зажглась колючим огнем. Руки так и потянулись почесать досаждающие раны.

Я сдвинул одеяло и взглянул на свое отмытое от потоков крови тело. Брови взлетели вверх – раны, сделанные злополучной ночью, уже затянулись, оставив лишь безобразные рубцы. Сеть отталкивающего вида шрамов, потрясающе похожих...

А я-то удивлялся – почему ничего не болит и куда делись синяки и ссадины от работы пары палачей? Руна «Жизнь» – как дерево, с могучими корнями и пышной кроной. И скрытая меж корней, их усиливающая руна «Сила».

Кто ты такой, следопыт Лонгнаф?!

Инчута стал приходить каждое утро. В небольшой столярной мастерской, примыкающей к кузнице, отрок под моим чутким руководством вытачивал детали, варил клей, вытягивал сухожилия. Я гонял парня по окрестностям города в поисках подходящей ветви можжевельника. На его глазах сжег в печи заготовку спинки, хотя он и утверждал – лучше деталь сделать невозможно. Он почти плакал. А потом сам над собой смеялся, когда увидел, как должна выглядеть действительно правильная основа.

Тем забавнее было наблюдать за отроком, когда заставил его варварски изрезать желобками вдоль тщательно отполированную деревяшку.

Руки заживали плохо. Гноились и временами сильно болели. Так что укладывать капризные волокна сухожилий в пазы пришлось Инчуте. Я ругался. Общение с дружинниками здорово пополнило словарный состав. У парня были ловкие пальцы, но мне казалось, что сам сделал бы лучше...

Приходили люди из города. Выслушивали советы, как лечить их животных, а сами смотрели-смотрели-смотрели... Пока мое лицо не наливалось яростью, и Велизарий, всюду за мной следовавший, поспешно их выпроваживал.

Когда в детинец должен был явиться посол короля Эковерта, мы с Инчутой седлали лошадей и через Княжьи ворота – чтоб не встречаться с Мирославом – выезжали кататься по берегу озера. И всякий раз, чуть в отдалении, за нами следовал десяток конных воинов.

Иногда к нам присоединялся Ратомир. Рассказывал на привале веселые истории, приключившиеся с ним во время двухлетнего странствия. Особенно часто – про нравы, бытовавшие в Империи.

Тогда и Велизарий заслушивался так, что замирал на месте, позабыв про варево, радостно подгорающее на костре.

О многочисленных переговорах Вовура с неожиданным посольством при мне никто не говорил. Я и не спрашивал. Знал – на весенний праздник приедет отец. Решать ему.

– Я как-то предлагал потренировать тебя бою на мече, – однажды напомнил принц на очередной прогулке. И посмотрел на мои обмотанные тканью ладони. – Арч, – смутившись, продолжил он. – Тебе будет это нужно, если ты не сможешь из лука...

Я даже подумать над предложением не успел – осканился и глухо зарычал, как волк в капкане. Принц замолчал, лишь грустно на меня взглянув, но с тех пор каждый вечер я стал вдевать тетиву в слабый охотничий лук и пытаться стрелять. Пока руки не начинали дрожать. Пока слезы не брызгали из глаз от невыносимой боли. Пока рот не наполнялся кровью от прокушенной губы. Пока Велизарий не отбирал у меня оружие.

За неделю до праздника Ветра я отпросил Инчуту от дежурств на стене. Лук был готов, пора было учить парня из него стрелять.

Оружие вышло отличным. Даже признанному мастеру лесного народа, дяде Стрибо, не стыдно было бы показать. Да и с рунами я расстарался. К обычному «Ветру» добавил еще «Силу» на спинки и «Мягкость» на живот. Пара «Крепость» на концы, где тетива вдевается...

Петельку накидывали втроем. Ученик упирался обеими руками и коленями в рукоять, Велизарий, сопя как барсук, с побагровевшим от натуги лицом, гнул, а я вдевал тетиву в ушко.

– Облачайся, – приказал я Инчуте. – И пошли на берег...

У настоящего стрелка самое главное всегда с собой. Долго ли наруч защелкнуть да пальцы в кольца вдеть?! Пару тяжелых стрел в руку – и бегом за лошадьми.

– Кто тебя учил, кривоногий!? – ярился я. – Вот сюда, на полоски, подошвы ставь! Ну что ты будешь делать?! Да не сила тут главное, а ноги! Даже у коровы за сиську с силой не тянут, а тут лук! Вот же баран упертый! Да смотри, как надо!

Утомившись объяснять, я выхватил оружие у своего нерадивого ученика, мигом наложил стрелу и выстрелил. Тугая тетива срезала швы на левом рукаве, нитки, как кишки, брызнули в разные стороны. Жало ветра блеснуло наконечником, пару раз провернулось по своей оси и впилося в корягу, половодьем выброшенную на берег озера шагах в пятистах от нас.

Пальцы, не защищенные кольцами, саднили. На левой руке наливался синяк. Ладони, глухо ноющие по ночам, молчали. Я ошарашенно сунул лук в руки Велизарию, сорвал повязки и усталился на раны. Ржавые коросты отвалились, предъявив розовую новую кожу. Один-единственный выстрел сделал то, чего не могли травяные снадобья.

– Ты Мастер Ветра, – вздохнул Инчута. И поклонился. – Учи, пожалуйста, дальше. Я все понял.

Дело пошло веселее. Днем усиленно занимался с отроком, чтоб потом, вечером, вдосталь повеселиться, наблюдая за тем, как парень пытается передать мою науку пятерым своим товарищам. Тем не менее, он делал успехи. Еще лет пять таких тренировок и сможет стать лучником. Я начинал им гордиться.

За сутки до праздника гостевые хоромы наполнились жизнью: в сопровождении трех десятков дальних родичей приехал отец. Я видел, как они въезжали Княжьими воротами в город, но не мог бросить ученика и рвануть в детинец. Это был последний день тренировок перед турниром, традиционным для праздника, посвященного духу ветра – покровителя стрелков. Мы с Инчутой меняли хвататы хвостовика стрелы и стреляли. Сначала на дальность – навесом. Потом в мишень с легкий пехотный щит величиной. И снова на дальность, но в мишень...

К вечеру, когда белый круг ясеневого щита стал расплываться в глазах, мы закончили.

– Вспомнишь чего-нибудь веселое перед стрельбой! – наставлял я ученика напоследок. – Смотри на цель и вспоминай. Улыбайся – и победишь.

– Ха, я лучше кое-чью морду представлю...

– Нет! – рявкнул я. – Цель нужно любить. Иначе рука может дрогнуть.

– А вот ты как? – коварно поинтересовался молодой воин.

– Что я как?

– Ну, ты вот как будешь этих, – он махнул коротко стриженной головой в сторону Купеческих ворот, – убивать? Прямо любить их будешь?!

– Буду, – улыбаясь, кивнул я. – Ты себе не представляешь, как буду их любить. Еще никто так не любил трупы, как буду я...

– Хитрец! – засмеялся дружинник. – Нужно будет постараться оказаться рядом, чтоб посмотреть на твою любовь...

– Иди, отдыхай, стрелок, – теперь развеселился и я. – И не вздумай завтра браться за лук!

– Спасибо, Арч, – вдруг серьезно поблагодарил Инчута и поклонился.

– Рано начал, – хмыкнул я. – Приз выиграешь – тогда...

Снова втроем, уже привычно, раздели лук, завернули в холст и спрятали в сумку. Пора было возвращаться в Росток. Молодой воин торжественно попрощался и ускакал – торопился провести последнее занятие с подопечными. А мы с Велизарием ехали шагом.

Очень хотелось увидеть отца. Хорошо бы, как в детстве, забраться ему на колени и пожаловаться, рассказать о плохих дядях, разбивших лагерь возле Купеческих ворот. Выплакаться, уткнув нос ему под мышку. Чтоб обещал – до свадьбы зарастет.

Я вообще-то в отца. Он тоже невысок, и издали его до сих пор принимают за юношу. Только я на ладонь повыше его вырос. Так что «на коленочки» не получилось бы...

Взглянул на солнце. Верхушки деревьев, шатаясь на ветру, щекотали его круглые алые бока. Ночь обещала быть ясной. Жаль. В дождь плачется легче.

Еще хорошо бы, если б отец закричал. Наорал на меня так, чтоб аж уши заложило. Выложил бы все, чего я достоин... Да только я знал – не будет этого. Ничего отец мне не скажет. Он

вообще никогда на меня или сестер не кричал. Но от этого только хуже – бывает, несказанные слова ранят больше.

Но больше всего я боялся сочувствия. Жалости боялся и утешений. Хватило. Наслушался от князя...

Моя соловая лошадка вдруг остановилась. Сама. Встала, словно по бабки вкопанная прямо в городскую мостовую, и мотала головой на все попытки стронуть ее с места. И в мыслях ее была такая тревога, такая забота обо мне, что и я забеспокоился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.